
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
(БОРОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

Г.И. Королёв

**БОРОВСК:
ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ**

БОРОВСК - МОСКВА

**Издательство «Древлехранилище»
2013**

Редакционная коллегия:

В.И. Осипов

Н.В. Зиновкина

К-68 *Королёв Г.И.* Боровск: город и его жители. Боровск;
Москва: «Древлехранилище», 2013. — 120 с.
ISBN 978-5-93646-207-8

Королёв Геннадий Иванович (1936–2009) – доктор исторических наук, в круг научных интересов которого входили следующие исторические дисциплины: отечественная и зарубежная археология, вспомогательные исторические дисциплины (историческая география, геральдика, генеалогия, дипломатика, сфрагистика), источниковедение, краеведение. Им опубликовано около 200 работ, включая методические. Многие вышедшие работы Г.И. Королёва посвящены генеалогии и социальной истории посадских людей Боровска XVII–XVIII вв., отдельным историко-географическим темам, Боровскому району периода Великой Отечественной войны.

Данное издание будет интересно не только специалистам, изучающим историю средневековых городов, но и самому широкому читательскому кругу.

Контактные телефоны:

8-910-518-05-97

E-mail: victory1@kaluga.ru

Сайт: «Старый Боровск» – www.borovskold.ru

ISBN 978-5-93646-207-8

**ПАМЯТИ ИСТОРИКА:
ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ КОРОЛЁВ
(1936–2009)**

Летом 1996 г. в Боровский историко-краеведческий музей пришёл сухонький среднего роста пожилой человек. С ним был ребёнок, который постоянно его тянул в сторону. Они с интересом осмотрели выставку «Старый Боровск» и более подробно стали рассматривать предметы на выставке «Боровский край в годы Великой Отечественной войны». Мальчика больше привлекали предметы вооружения и обмундирования, а его отца — вырезки из военных газет, фронтовые письма, фотографии. Этим человеком оказался Геннадий Иванович Королёв. Его отец Иван Игнатьевич Королёв был участником Московской битвы и освободил г. Боровск. Жена его Мария Львовна была боровчанкой, любила город, и на лето они часто приезжали сюда.

Первое наше знакомство переросло в многолетнюю дружбу. Как я понял позднее, Геннадий Иванович не мог не работать. Каждый день он должен был прочитывать новые источники и документы, а проанализировав их — писать и писать.

В первую нашу встречу он сидел и знакомился с той краеведческой литературой, которая у нас имелаась в библиотеке, после занялся скрупулёзным изучением вышедших в 1990-е годы сборников «Боровский краевед» и «Материалов дозора 1613 г.».

Наши встречи и разговоры с Геннадием Ивановичем были недолгими, но яркими и запоминающимися. Его светлый ум хранил не одну сотню фамилий и имён боровчан, живших в городе в XVII и XVIII вв. Своими энциклопедическими знаниями он охотно делился со всеми, кто его окружал: краеведами, студентами, аспирантами. Талантливый историк, Г.И. Королёв был совершенно лишён честолюбия.

От него я узнал биографию его и его отца, участника Великой Отечественной войны.

Геннадий Иванович Королёв родился 14 января 1936 г. в г. Лосиноостровске, в 1939 г. названном Бабушкином, Мытищинского района Московской области. (В 1960 г. Бабушкин

включён в состав Москвы). Родители – Иван Игнатьевич (1908–1989) и Мария Игнатьевна (1911–1998) происходили из крестьян Калининской и Кировской областей.

Г.И. Королёв. 1998 г.

По окончании школы недолго работал на заводе, проходил срочную службу в Советской армии. В годы учёбы в Московском государственном историко-архивном институте (специальность «историк-архивист») (1958–1963) Г.И. Королёв обратил на себя внимание сокурсников и преподавателей исключительной усидчивостью и выдающимися лингвистическими способностями. Десятки газет и журналов на разных европейских языках постоянно находились у него в портфеле. «Путь в науку был предreshён: аспирантура, блестящая защита кандидатской диссертации „Издание исторических источников во Франции в XIX веке (20-60-е гг.)“ (1970), подготовленной под руководством Н.В. Бржостовской; затем заведующий кафедрой археографии профессор М.С. Селезнёв направляет творческий поиск молодого учёного на изучение зарубежной археографии. С начала 1970-х годов эта неисследованная область знаний становится основным предметом его профессионального внимания» (1). Работал в Главном архивном управлении при Совете министров СССР и Центральном государственном архиве Октябрьской ре-

волюции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. В 1989 г. он защищает докторскую диссертацию по проблемам истории и современной теории археографии.

Геннадий Иванович Королёв впервые в мировой практике издаёт учебные пособия по зарубежной археографии. В круг его научных интересов входят следующие исторические дисциплины: отечественная и зарубежная археография, вспомогательные исторические дисциплины (историческая география, геральдика, генеалогия, дипломатика, сфрагистика), источниковедение, краеведение. Он был членом Всероссийского геральдического общества. В общей сложности опубликовал около 200 работ, включая методические. В 2000 г., имея звание доктора исторических наук и профессора, вышел на пенсию по инвалидности. На пенсии он продолжал заниматься научными изысканиями.

Когда я предложил ему принять участие в наших Боровских историко-краеведческих конференциях, он охотно согласился. Он имел представление о патриотической работе, которую вёл в Боровском районе его отец, ветеран Великой Отечественной войны, печатавшийся в районной газете «За коммунизм». Знание об этом и пребывание на даче в Боровске побудили его к систематическому изучению истории города и всей боровской земли. Он стал участвовать в конференциях в Боровске и Калуге, писать и публиковать статьи на боровские темы, используя изданные и неизданные (из московских архивов) источники.

Изучение боровских тем потребовало и поиск новых исторических документов, и занятия плавно перешли из нашей музейной библиотеки в Российский государственный архив древних актов (РГАДА) и Российскую государственную библиотеку. Теперь мы часто встречались с ним здесь, беседовали о результатах наших работ, обсуждали проблемные вопросы, которые было бы неплохо осветить на конференции и на страницах боровских газет и научных сборников.

Последние годы Г.И. Королёв сильно болел. Иногда мы встречались в читальном зале РГАДА. Будучи тяжёло больным, он продолжал интересоваться новыми краеведческими сборниками, тем, какие его работы по боровской тематике опубликова-

ны, сообщал, над какими текстами он хотел бы ещё поработать. Связующим звеном между нами всегда была его жена Мария Львовна, которая неутомимо старалась ему во всём помочь. Приезжая в Боровск, она заходила в музей, рассказывала о творческих замыслах мужа, его новых исследованиях и с огромной радостью забирала ксерокопии его статей, которые были опубликованы в «Боровских известиях», сборники «Боровск: страницы истории» и «Земля боровская».

Г.И. Королёв умер 13 апреля 2009 г. в Боткинской больнице Москвы.

Собранные разных изданиях и опубликованные в одном сборнике «боровские» работы Г.И. Королёва – дань признательности за неоценимый вклад в изучение истории Боровска.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Королёв Г.И. Некралог // Отечественные архивы. 2009. №4. С.140.

РАБОТЫ Г.И. КОРОЛЁВА ПО БОРОВСКОЙ ТЕМАТИКЕ

Вышедшие в свет работы Г.И. Королёва посвящены генеалогии и социальной истории посадских людей Боровска XVII–XVIII вв., отдельным историко-географическим темам, Боровскому району периода Великой Отечественной войны и некоторым другим. Генеалогия рассматривается как часть и стадия по возможности всестороннего исследования посадских людей Боровска.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ

1. Генеалогическая топография Боровского посада XVII–первой четверти XVIII вв. // Боровск: страницы истории. Вып.2. Боровск, 2000. С.9–21.

2. Некоторые краеведческо-географические аспекты генеалогии посадских людей Боровска // Вестник архивиста. 2001. №4–5 (64–65). С.193–197.

ГЕНЕАЛОГИЯ

3. Генеалогия и демография: демографические характеристики боров-

ских посадских родов XVII–первой четверти XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII научной конференции. Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С.256–259.

4. Некоторые аспекты и возможности генеалогии // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 2004. Вып.8/9 (52/53). С.94–99 (о Боровске на с.97–98).

5. Посадские роды Боровска в XVII–XVIII вв. // Историческая генеалогия: Ежекварт. науч. журнал. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995 (фактич. дек. 2002). Вып.7. С.55–62.

6. Боровские Полежаевы в XVII-первой половине XVIII в. // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вы.1/13 (56/57). М., 2007. С.154–162.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ

7. Затекижье на рубеже XVI–XVII вв. // Боровские известия. 2003. 18 июля. №84–85 (10364–10365). (Далее – БИ).

8. Боровск на иностранных географических картах XVI–XVII вв. // БИ. 2005. 20 мая. №58–59 (10638–10639).

9. К вопросу об изучении географических чертежей XVII в. // Новый исторический вестник. М., 2005. №1 (12). С.32–35.

10. Горы на левой стороне Протвы (из исторической топографии Боровска). Публикация в настоящем издании.

11. Калужский край на иностранных географических картах XVII–первой четверти XVIII вв. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной научной конференции 17–19 марта 1999 г. Калуга, 2001. С.79–81.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

12. Жители Боровска на рубеже XVI–XVII вв. // Земля боровская. Вып.2. Боровск, 2006. С.28–32.

13. Образование фамилий у боровских посадских людей в XVII в. // БИ. 2005. 22 июля. №85–86. (10665–10666).

14. Боровские пушкеры XVII в. // БИ. 2003. 16 мая. №54–55. (10334–10335).

15. Занятия жителей подборовских слобод Пафнутьева монастыря в XVII в. // Боровск: страницы истории. Вып.5. Боровск, 2005. С.87–93.

16. Посадская верхушка г. Боровска XVII–первой половины XVIII века: К вопросу о критериях определения социального слоя // Социально-политическая история России: Проблемы изучения и преподавания: Материалы регион. научно-практич. конференции 31 марта–1 апреля 2004 г., Тверь. Тверь, 2004. С.95–103.

17. Социальное признание в Боровске в XVII–первой трети XVIII вв. // БИ. 2005. 2 декабря. №141–142 (10721–10722).

18. Боровичи в Москве в первой половине XVIII в. // Боровск: страницы истории. Вып.4. Боровск, 2002. С.11–16.

19. Боровские представители при Екатерине II // БИ. 1997. 20 февраля. №21 (9400).

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

20. Боровск в документах Наполеона I // БИ. 1996. 25 июля. №85 (9314).

21. Документы ЦГАМО о Калужской земле в 1941–1944 гг. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX региональной научной конференции 21–23 марта 2001 г. Калуга, 2001. Ч.1. С.286–289. (частично по тематике).

22. К вопросу об издании источников о Боровском районе периода битвы под Москвой // Земля боровская. Вып.1. Боровск, 2005. С.18–23.

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ

23. Из истории местных архивов: Боровский архив в конце XVII в. // Вестник архивиста. 2002. №6. С.214–217. То же: Земля боровская. Вып.1. Боровск, 2005. С.5–7.

24. Мосты Боровска в прошлом и настоящем // БИ. 2005. 30 сентября. №116–117 (10696–10697).

25. Кременск в последней четверти XV–первой четверти XVII вв. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X региональной научной конференции. Калуга, 2003. С.153–156 (в части XVII в.).

БОРОВСК НА ИНОСТРАННЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТАХ XVI–XVII ВВ.

Русские географические карты («чертежи»), за двумя исключениями, сохранились от XVI в., хотя старинные архивные описи свидетельствуют о картографической работе в более раннее время. Поэтому старейшие изображения русских географических объектов можно найти лишь на иностранных картах. Самое раннее обозначение Боровска я нашёл на «Морской карте» Мартина Вальдземюллера из г. Страсбурга 1516 г. Карта отражает состояние знаний западноевропейцев о России в начале XVI в. Как и другие иностранные картографы, Вальдземюллер считал, что Восточно-Европейскую равнину пересекает горная цепь. С гор, если верить его карте, стекали, в частности, р. Москва и южнее её — река без названия. Реки сливались, а может быть, одна из них впадала в другую, и образовывали треугольник, внутри которого находились три города. Один из городов — «Барошки». Это и есть Боровск. Его положение к юго-юго-западу от обозначенной Москвы примерно соответствует действительности. За «южной» (анонимной) рекой показан г. «Галус» (Калуга) по отношению к Боровску тоже согласно действительности.

Следующие картографические данные о Боровске относятся к 1633 г. Так датированы две карты голландца Исаака Массы, долгое время находившегося в Москве и опубликовавшего свои записки о «Московии», содержащие упоминание Боровска. На одной карте на левом берегу неподписанной реки помещён «Буравец», на другой — на «сухом» месте отмечен город «Буранец». Местоположение Боровска показано вполне достоверно и подтверждается, например, расположением других городов Калужской земли (Калуги, Тарусы и Перемышля). Неподписанная река является, может быть, старейшим изображением Протвы на картах. На одной из карт Массы показана Нара, часть течения которой приходилась на Боровский уезд. Никаких гор, обозначенных на карте 1516 г., уже нет.

Боровск на карте Вальдземюллера
(надписи даны в транскрипции)

Предположительно: Радтунш - Руза, Теттаслаф - Дедослав,
Фродиншки - явно Воротынск, Барошки - Боровск.
Безымянная река - вернее всего Ока.

Масса значительно точнее, чем Вальдземюллер, изобразил Европейскую Россию, в том числе её центр. Карты Массы включены в некоторые атласы XVII в. и использованы при составлении новых карт. Уже как памятники истории труды Вальдземюллера и Массы опубликованы в «Материалах по истории русской картографии» В. Кордта, изданных в Киеве в 1906 г.

ГОРЫ НА ЛЕВОЙ СТОРОНЕ ПРОТВЫ (ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ БОРОВСКА)

В писцовой книге по Боровску 1685 г. в разделе, отведённом церковным местам, есть сведения о пунктах на левой стороне Протвы, сообщённые в следующем порядке: в Мякишевской, Пушкарской и Драгунской (ранее – Казачьей) слободах, на Чёрной, Петровой и Олябьевой горах (1). Последовательность перечисления определённа: вверх по течению реки. Название Петрова гора употребляется и ныне. Две другие горы нуждаются в локализации.

Из документа ясно: Чёрная гора находилась ниже Петровой горы по течению Протвы и, следовательно, недалеко от Драгунской слободы. Более точные источники не обнаружены. Есть два места, которые, предположительно, некогда назывались Чёрной горой. За домами по ул. 1 Мая имеется углообразная лощина, одной ветвью идущая вдоль дорожки к стадиону. За лощиной – «горное» лесистое урочище. Другое место – небольшое возвышение – слева от липовой аллеи, отделённое от Петровой горы.

Церковь на Олябьевой горе в дозорной книге 1621 г. записана по Можайской дороге без упоминания горы, а в писцовой книге 1625 г. – с упоминанием (2). В документе 1647 г. по межеванию казачьих земель и спорам казаков с посадскими людьми справа от Можайской дороги по направлению из города отмечена церковь на Олябьевой горе и рядом с ней овраг (3). В «Экономических примечаниях», описывающих город и уезд, составленных на рубеже 70–80-х годов XVIII в., записано, что у большой дороги в Верею и на берегу Большой Оборенки находится пустошь Олябьева гора (4). Наконец, в показаниях некоего человека о «Егорьевском погосте, что словет на Олябье» 1696 г. названа пустошь по берегу Протвы длиной в 70 сажень и шириной в 30 сажень (5). Той же величины погост Георгиевской церкви «на Олябье» был указан в писцовой книге 1625 г. Источники определённо показывают

Олябьеву гору как находящуюся поблизости от цепного моста. Полевое наблюдение, возможно, ещё более уточнило бы местоположение сей горы.

Как следует из источников, местность между Казаками и Оборенкой в XVII–XVIII вв. была не заселена. Следы существования здесь церквей («церковные места») свидетельствуют о былой заселённости трёхгорья. Возникает вопрос: когда здесь жили, когда и почему местность запустела?

Дозорная книга 1621 г. фиксирует пустую, «без пенья» Георгиевскую церковь по Можайской дороге (6). Другой источник уточняет её местонахождение: «под Казачьей слободкою у Можайской дороги» (7). В 1625 г. упоминалось только церковное место (8). Видимо, здание совершенно развалилось. В 1695 г. было записано лишь пустое кладбище (9). Из упоминаний о соседстве церкви с Казачьей слободой я делаю вывод, что она стояла примерно у начала ул. 1 Мая. Соответственно, приход располагался на территории Казачьей слободы, может быть – на части её. Церковь на Чёрной горе тоже называлась Георгиевской. В 1620-е годы она не упоминается. В 1685 г. ещё видели её пустое кладбище. В 1625 г. на Петровой горе числилось место Петропавловской церкви, на Олябьеве горе – Георгиевской, ещё стоявшей, но уже обветшавшей и пустой (10). Сосредоточение Георгиевских церквей на небольшом, в общем-то, пространстве – явление любопытное, но необъяснимое из-за нехватки источников.

Судя по археологическим данным, старейшим было поселение на Петровой горе. Оно датировано концом I тыс. – началом XVII в. (11).

На участке между ул. 1 Мая и Ф. Энгельса, то есть примерно там, где я предполагаю Георгиевскую церковь на Можайской дороге у Казачьей слободы, выявлен археологический материал XV–XVII вв. (12). В двух точках близ посёлка Института – на берегу Протвы и немного дальше от реки – обнаружен материал XVI–XVII и XV–XVII вв. (13).

В 1390 г. великий князь Московский Василий Дмитриевич заключил договор с Серпуховско-Боровским князем Владимиром Андреевичем. В договоре содержится следующее положение: «А что слобода против Боровска, та ны (мне. –

Г.К.) слобода свести, туто намъ слободы не держати. А луга ны не велети ни косити, ни орати по гору, а земля наша. А животине ходити опче» (14). Слова «против Боровска» дают ориентиры по разным направлениям, а запись о луге, подходящем к горе, на которой, видимо, находилась великокняжеская слобода, сужает пространство поисков. Правобережье Протвы следует исключить, так как здесь нет гор, не считая спуска к Текиже. Гора с селом Высоким далеко. Сведений об археологическом обследовании мест в районе моста у меня нет. Следы заселения на обеих сторонах Протвы, за исключением Городища и Петровой горы, начинаются с XV в., неизвестно, правда, с какой его половины. Наиболее вероятным является упоминание в договоре правителей слободы на Петровой горе.

Археологические данные указывают на расширение с XV в. зоны заселения на левобережном трёхгорье за пределы Петровой горы. Исходя из общих сведений, можно сказать, что с упразднением Серпуховско-Боровского удела в 1455 г. левобережье вернулось под великокняжескую руку. Статус возникших на левом берегу мест неизвестен. Едва ли поселения близ или на месте будущей Казачьей слободы, на Чёрной и Олябьевой горах были сёлами. Расстояния между обозначающими их церквями малы. Деревнями же в приходе церкви неизвестного по названию поселения на Петровой горе они могли быть. Рост сети церквей с одной предполагаемой на Петровой горе до четырёх, скорее всего, свидетельствует о формировании посада и на левой стороне Протвы, может быть, в одно время с правобережьем, может быть, несколько позже. Впоследствии казаки подтверждали получение в Боровске под усадьбы и другие угодья пустых посадских «селищ» и выгонов (15).

Единственным выявленным указанием на причину (причины) запустения трёхгорья является пояснение о церковном месте на Чёрной горе — «запустело от разоренья» (16). Разореньем в XVII в. называлось и соответствующее действие, и период, впоследствии получивший название Смутного времени. Местность могла быть опустошена не один раз. По проходившей здесь дороге, вероятно, передвигались войска

польских интервентов, грабивших и убивавших жителей. Примечательны упреки Ю. и Д. Трубецких в письме Я. Сапеге в том, что поляки и после признания боярами королевича Владислава царём продолжали военные действия и убийства и пытки крестьян в разных местах (17). Весьма конкретна запись о дворовых местах, повторяющаяся несколько раз в дозорной книге по Можайску 1614 г.: «И тех посацких людей во 121 году, их жен и детей, литовские и польские люди побили, а дворы их пожгли» (18). Тогда в Можайске осталось 54 двора жилых на 454 двора сожжённых. Не лучше обстояли дела в соседних Верее и Ярославце Малом, да и на правой стороне Протвы в Боровске, которая, судя по записям о сожжённых церквах в дозорной книге, в 1610 г. пострадала от крымских татар. Кроме того, часть правобережных жителей погибла в Пафнутьевом монастыре, захваченном Лжедмитрием II.

Выявлено несколько следов существования в полосе трёхгорья дворов. В 1621 г. за Протвой у реки «на Востром конце» находились два дворовых места – Тита Мутина и «портного мастера» Вахрамея (19). Вострым концом или клином называли мыс, на котором находится посёлок Института. Согласно другому источнику, Можайской дорогой «ездят на Вострой конец» (20). Дорога шла с восточной стороны урочища. В 1621 и 1625 гг. при олябьевской церкви стоял двор дьячка Любима Лазарева (21). Это был единственный в трёхгорье жилой двор. О священнике же той церкви сказано, что он погиб в Пафнутьевом монастыре в 1610 г. (22). В описании межи казачьей земли на Петровой горе упомянуто двориче Романа Иконника (23). В спорах между посадскими и казаками фигурирует селище посадского человека Зиновия Александрова близ церкви на Можайской дороге у Казачьей слободы (24). Бывшей усадьбой этого человека и землями бывших церковей у Можайской дороги и на Петровой горе на праве оброка владел беломестец Фёдор Игнатъев. В качестве арендатора он числится в писцовой книге 1625 г. (25) и упоминается позднее. По утверждению посадских людей, усадьба Зиновия Александрова «исстари была посацкая» (26).

В XVII в. исследованная местность находилась в городской черте. На чертеже 1675 г. Петрова гора и место напро-

тив, через Можайскую дорогу, были в хозяйственном распоряжении драгун (бывших казаков). Справа от Можайской дороги у Оборенки находился участок, которым пользовались можайские ямщики. На мысу показана помещицья «земля и деревня» (27). Сведений об этой части трёхгорья не обнаружено. В 1685 г. Олябьевой и Чёрной горами владели драгуны (28).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С.35–36. (Далее – Боровск).
2. Там же. С.4, 10. Тожество показаний двух источников устанавливается по упоминанию одного и того же дьячкового двора близ церкви.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.210. Оп.1. Ч.1. Д.38. Л.116; Оп.24. Д.214. Л.59; Ф.1209. Оп.1. Ч.3. Д.7. Л.16–16об. Далее ссылки на документ даются лишь по Д.38.
4. Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.460. Л.6. Здесь упоминается и кладбище, «что на Горной горе» с глинистой почвой. Понимать следует – «на Чёрной горе». Место не конкретизировано.
5. Там же. Ф.1198. Оп.1. Д.348. Л.4.
6. Боровск. С.4.
7. РГАДА. Ф.210. Оп.1. Ч.1. Д.38.
8. Боровск. С.10.
9. Там же. С.35.
10. Там же. С.10.
11. Прошкин О.Л. Археологическая карта Боровского района Калужской области. Калуга, 1990. С.15; он же. Культурный слой Боровска // Боровск: страницы истории. Вып.3. Боровск, 2001. С.54–58.
12. Он же. Культурный слой Боровска. С.58.
13. Он же. Археологическая карта Боровского района. С.16.
14. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С.38.
15. РГАДА. Ф.210. Оп.1. Ч.1. Д.38. Л.78–78об. Есть и другие упоминания.
16. Боровск. С.36.
17. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные П.А. Мухановым. 2-е изд. СПб., 1871. С.112.
18. Можайские акты 1506–1775 / Сообщил архиманд. Дионисий. СПб., 1892. С.70 и др.
19. Боровск. С.3.

20. РГАДА. Ф.210. Оп.1. Ч.1. Д.38. Л.115об.–116.
21. Боровск. С.4, 10.
22. Там же. С.4.
23. РГАДА. Ф.210. Оп.1. Ч.1. Д.38. Л.115об.–116.
24. Там же. Л.112–114об.
25. Боровск. С.10.
26. РГАДА. Ф.210. Оп.1. Ч.1. Д.38. С.112об.
27. Там же. Ф.192. Оп.1. Калужская губ. №1. О памятнике и его датировке см.: Королёв Г.И. К вопросу об изучении географических чертежей XVII в. // Новый исторический вестник. 2005. №1 (12). С.32–35.
28. Боровск. С.36.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЧЕРТЕЖЕЙ XVII в.

Картографические памятники являются источниками сведений о природных и культурных ландшафтах, пространственных представлениях людей в прошлом и по другим вопросам истории. Б.А. Рыбаков предпринял опыт реконструкции русских географических чертежей конца XV—начала XVI в. (1). Значительное количество данных о чертежах XVI в. содержит опись Царского архива (2). Реально же, за исключением двух памятников XVI в., до нашего времени дошли чертежи XVII в., причём, как показывает каталог В.С. Кусова, основная масса раннего картографического материала сохранилась от второй половины этого столетия (3).

Начальная стадия изучения выявленного картографического материала состоит в установлении целей и обстоятельств создания чертежей и их связей с другими источниками. Названную задачу мы попытаемся решить в отношении одного памятника, а именно географического чертежа с изображением г. Боровска. Чертёж представляет отдельную единицу хранения в составе хранящегося в РГАДА картографического фонда бывшего МГАМИД (4). Фонд является коллекцией. В.С. Кусов опубликовал два фрагмента чертежа, описал его и высказал в связи с ним ряд соображений (5).

Чертёж выполнен на большом листе в несколько цветов и интересен в художественном отношении. На чертеже нет ни заглавия, ни даты. В.С. Кусов датировал чертёж по водяному знаку. Отметим, что в ссылке Кусова на альбом филиграней А.А. Гераклитова, видимо, содержится опечатка и следует иметь в виду не №304 (водяной знак 1697 г.), а №1304 (знак 1666 г.) (6). Исследователь предположил связь памятника «со спорами о лугах в пойме Протвы» и сделал вывод, что чертёж «во всяком случае» составлен после 1652 г., то есть после посадского строения в Боровске (7).

То, что чертёж является произведением, хранящимся изо-

лированно от других источников, создаёт трудности в определении его назначения. Занимаясь источниками по истории Боровска, мы обратили внимание на документ, дающий возможность составить более полное представление о чертеже. Документ входит в состав «дела» по длительней тяжбе между Пафнутьевым монастырём и боровским посадом из-за монастырских слобод, отписанных на посад (8). Монастырь утверждал, что слободы основаны им и что слобожане — земледельцы. Посад доказывал, что слободы вплотную подходят к его земле и частично даже находятся на ней и что большинство жителей слобод занимается торговлей и промыслами. По одному выражению в документах дела, «посадцким людям теснота от монастырской земли». В деле имеется следующая запись: «И в прошлом же во 183 (1675. — Г.К.) году генваря в 3 день послана великог[о] государя грамота в Боровск к Петру Голтыяему да к подьячему х Кирилу Федотову. Велено посадцкой и монастырской землям учинить чертеж и грани в том чертеже написать подлинно и сколько те земл[и] от города близки или далеко и каких чинов беломесцы в тех межах и гранях живут». Документ предписывал также произвести сыск о занятиях жителей слобод, из-за которых шёл спор, «и тот сыск за своими руками и чертеж» прислать в Новгородский приказ. Вслед за тем написано: «И февраля в 5 день писал к великому государю из Боровска Петр Голтыев да подъячей Кирило Федотов и прислали обыскной список и спорной земли чертеж» (9). Описание чертежа, сделанное в той же записи, раскрывает его содержание и свидетельствует, что оно относится именно к тому чертежу, который принадлежит к картографической коллекции. Прочитанный документ судного дела даёт весьма точную дату чертежа: не ранее 3 января — не позднее 5 февраля 1675 г. Ответственными за чертёж были боровский воевода П.И. Голтыев и подьячий местной приказной избы.

Письменные документы называют цель составления чертежа и что на нём должно было быть изображено, то есть его содержание. Кусов отметил неточность названия, данного чертежу архивистами («Чертеж Боровскому Пафтуньеву монастырю, селениям и пустошам монастырским»), указав на необходимость упоминания Боровска (10). Название можно ещё более уточнить, обозначив связь памятника со спорным делом. Указ воеводе пред-

писывал обозначить на чертеже «межи и грани», то есть точные границы земель. В XVII в. внутренние и внешние границы обозначались деревьями или столбами с нанесёнными на них метками («гранями»). Кроме того, у таких знаков выкапывались ямы с кучами камней в них. На боровском чертеже действительно изображены деревья с гранями в виде крестика и межевые ямы. Наличие межевых знаков подтверждается надписями: «земля в межах и в гранях», «за гранями», «у речки Оборенки яма». Другие надписи показывают принадлежность конкретных земель: посаду, драгунам и ямщикам в пределах города, помещикам и монастырю – за городской чертой. Изображение взаиморасположения земель было предписанной функцией чертежа.

Чертёж не является подворным планом города. Заселённые места и огороды обозначены обобщённо. Конкретных дворов на нём нет, однако городище, площадь, улицы, некоторые церкви и перевоз показаны. С некоторой неуверенностью В.С. Кусов пишет об изображении частоккола на городище, то есть месте, где до пожара 1634 г. стояла крепость. Объяснение рисунку даёт росписной список 1680 г.: «двор воевоцкой, огорожен забором», «Острог, и тюрьмы ветхи» (о двух фигурках изб) (11).

В описании чертежа говорится о землях помещика Фрола Синявина в с. Комлеве и о землях Рождественского девичьего монастыря. Монастырь находился в юго-восточной части Боровска неподалёку от городской черты, а село и ныне располагается вблизи города тоже у его юго-восточного края. Рождественских и комлевских земель на чертеже нет. В нижней части листа изображение уходит прямо в его край. Нет поля и начала надписи, относящейся к одной из городских слобод: «...Протвою Троицкой слободки дворы посадцкие». По аналогии с другими надписями на том же чертеже следует читать: «За рекою Поротвою» и далее, как цитировано. Очевидно, что нижняя часть чертежа с изображением юга Боровска и его южных соседей утрачена. Судя по ровному нижнему краю листа, чертёж был подрезан, вероятно, при архивной обработке его в XVIII или XIX вв. Утрата составляет треть или четверть листа.

В деле записано, что 30 июня 1675 г. в Приказе сыскных

дел перед боярином Артамоном Сергеевичем Матвеевым и думным дьяком Григорием Богдановым слушалась очередная челобитная Пафнутьева монастыря. При этом упоминается чертёж (12). Следовательно, чертёж реально использовался при разборе спорного дела.

Некогда чертёж был частью документального комплекса, возникшего в ходе тяжбы между монастырём и посадом. В более широком смысле слова чертёж можно рассматривать в комплексе со всеми источниками, содержащими топографическую информацию о Боровске и его окрестностях. Так, чертёж показывает место топографических объектов и указывает расстояния между некоторыми из них («от посадских дворов Мякишевской слободы полверсты» и т.п.). Межевые документы сообщают подробности о межах и приводят большое количество сведений о расстояниях. Из частей города на чертеже обозначены (надписаны их названия) слободы, находившиеся на левой стороне Протвы, то есть там, где в основном и располагались спорные земли. Приходы же правобережья не обозначены границами и не снабжены надписями. На сохранившейся части чертежа отмечены только две правобережные приходские церкви. По крайней мере ещё одна (Преображения Спасова) могла бы быть обозначена. Письменные источники XVII в. упоминают не известно когда прежде существовавшую на левом берегу Псарёву слободку. Чертёж 1675 г. показывает место Псарёва пруда и тем самым – местоположение уже давно запустевшей слободки. Поскольку на чертеже обозначены земли драгун, в первой половине XVII в. бывших казаками, то наш источник имеет значение и для изучения поземельных споров между частью боровских служилых людей и посадскими.

Чертёж 1675 г. является старейшим картографическим источником по истории Боровска и его округи. Памятник интересен и по содержанию. Датировка и атрибуция такого рода материалов требует использования других, прежде всего письменных, источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV—начала XVI века. М., 1974.
2. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.
3. Кусов В.С. Чертежи земли Русской XVI—XVII вв. М., 1993 (о двух чертежах первой трети XVI в. см. аннотацию к книге и описание №310; общий вывод о сохранности материала см. на с.5).
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.192. Оп.1. Калужская губ. Д.1.
5. Кусов В.С. (В заглавии опечатка: Кусов. — Г.К.) Памятник древнерусской картографии Боровского уезда 17 века // Материалы Боровских чтений (археология, история, краеведение). Боровск, 1988; (факсимиле фрагмента на вклейке); он же. Чертежи... С.115. Рис.35.
6. Кусов В.С. Чертежи... С.114.
7. См. соотв.: Кусов В.С. Чертежи... №282; он же. Памятник... С.28.
8. Осипов В.И. Борьба посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырём за слободы в 17 в. // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. М., 1988. С.115—128; он же. Взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырем в 17 в. // Боровский краевед. Вып.2. Боровск, 1990. С.51—66; РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916 (см. также материал по тяжбе, не содержащий, однако, данных о чертеже: РГАДА. Ф.1198. Оп.1. Д.255).
9. Там же. Л.411—412.
10. Кусов В.С. Памятник... С.31—32.
11. Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С.108. О состоянии сооружений на городище см.: Королёв Г.И. Из истории местных архивов: Боровский архив в конце XVII века // Вестник архивиста. 2002. № 6 (72). С.214—217.
12. РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.427.

ЗАТЕКИЖЬЕ НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВВ.

Документы XVII в. дают некоторое представление о затекижской части Боровска конца XVI—начала XVII в. Источники упоминают о четырёх находившихся здесь церквях. Из порядка перечисления храмов, считая в сторону от центра города, следует, что слева от кремёнской дороги (современной ул. Берникова) «на взгорье» стояла церковь Николая Чудотворца, а далее, не ясно, где именно — церковь Ильи-пророка. Справа же, у кремёнской дороги, была церковь Флора и Лавра и несколько дальше, у Иванова (также ивановского) «врага», выходящего к Протве, — Иоанна Богослова. Церкви строили, естественно, не в безлюдных местах. Кроме дворов причта, близ каждой из них стояли дворы с огородами прихожан. В дозорной книге 1621 г. перечислены 15 дворовых мест (усадеб без жителей) Фроловского прихода. В документе указаны имена тех, за кем эти места числились. В 1621 г. в других частях города жили «фроловец» Терентий Скопнин и сын «фроловца» Ширия Шепелева Борис Ширяев. О судьбе остальных жителей прихода сведений нет.

Кроме Фроловского прихода источники упоминают Ивановскую слободку. Несомненно, существовали и Никольский, и Ильинский приходы, образовывавшие, вероятно, одноимённые слободки. Если о Фроловском приходе документ сообщает некоторые подробности, то об остальных затекижских приходах известно лишь, что они существовали.

Причины запустения Затекижья можно только предполагать. По словам дозорной книги, церковь Флора и Лавра была «...создана от крымских людей». Дата не указана, но в двух других местах документа к подобным записям приведён «118-й», то есть 1609 или 1610 г. Вполне возможно, что в это время были разорены и усадьбы Фроловского и других затекижских приходов. Однако в 1601—1618 гг. были и иные годы, когда Затекижье могло понести урон. В этот период были и голод, и передвижения войск самозванца, поляков и крымских татар по дорогам, в том числе, вероятно, и по кремёнской. В те же годы был разорён и Кремёнск.

Нельзя исключить и ущерб от «морового поветрия» ещё в 1570 и нападения крымцев во время их похода на Москву в 1571 и 1572 гг.

На протяжении XVII в. Затекижье оставалось незаселённым. Появились же слободы и церкви, по крайней мере, в XVII в. Следы жизни, трактуемые как селище, то есть остатки сельского поселения или части города, в этой местности по данным «Археологической карты Боровского района» (Калуга, 1990) относятся к XV–XVII вв. Судя по месту раскопок («образованный двумя оврагами мыс правого берега р. Протвы»), это Ивановская слободка.

ЖИТЕЛИ БОРОВСКА НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВВ.

Из-за отсутствия источников изучение состава населения Боровска до XVII в. невозможно. Случайно сохранившимся является известие о Тише Иванове сыне Боровитинова в числе московских купцов, ограбленных в Литве, список которых был предъявлен русской стороной на переговорах с литовцами в марте 1489 г. (1). Отчество Тиши (Тихона) говорит о некоем Иване, происходившем из Боровска. Прочие ранние источники о жителях Боровска относятся к первым двум десятилетиям XVII в. Главным документом служит дозорная книга 1621 г., в которой записаны, в частности, те, кого в городе не было, но за кем числились дворовые места.

В ряде случаев дозорщик зафиксировал гибель горожан при погроме Пафнутьева монастыря войском Лжедмитрия II летом 1610 г. В описании Спасского прихода сказано: «А посадские люди побиты в Пахнутьеве монастыре в 118 году» (2). Эти слова относятся к 4 из 5 дворовых мест. Погибшие владельцы названы поимённо: Яков Смолягин, Сысойко Иванов, Познячко Олфимов и Третьячок Нечаев. Здесь и далее имена приводятся в формах, употреблённых в документе. Отчество Сысойки дано по писцовой книге 1625 г. В монастыре погибли также 1 человек из Успенского прихода и 14 – из Рождественского (3). О 4 бобылях из слободки благовещенского протопопа в Пятницком приходе «старожилы» сказали, что те «померли в осаду» (4).

Люди, погибшие в 1610 г., родились в XVI в.: все они были главами дворов, а такое качество приобреталось обычно взрослыми. Называние некоторых посадских полными именами может говорить об их старшем возрасте.

Очевидно, что до 1601 г. родились Ортёмка Ефанов, поставивший без разрешения «торговую баню» в 1611 г., Богдашко Полоумов и Афонька Мартыяхин, ограбившие за городом

крестьян в 1612 г. (5), и кабацкий откупщик Олёшка Киркин с таможенными целовальниками Степанком Долговым и Микитой Юрьевым, о которых упоминает документ 1613 г. (6). Богдашко Полоумов назван посадским человеком, но в 1621 г. он числился бобылём Мякишевской слободы, принадлежащей Пафнутьеву монастырю (7). То ли этот человек назван посадским ошибочно, то ли он позднее перешёл с посада под монастырское крыло.

Не установлено время запустения Фроловского прихода. Правда, в дозорной книге сказано, что приходскую церковь сожгли «крымские люди» (8). Судя по двум упоминаниям, относящимся к другим местам города, крымцы жгли церкви в 1609 г. или 1610 г. Приход мог запустеть вместе с церковью или в иные годы Смутного времени. Из учтённых дозорщиком «фроловцев», за которыми в 1621 г. числилось 15 дворовых мест, в Боровске жил лишь Терёшка Скопнин, имевший двор в Спасском приходе. В Спасском же приходе жила Офросинья, вдова Семёна Семянникова, скорее всего того, чьё дворовое место находилось во Фроловском приходе.

До 1610 г. родились сыновья «фроловцев» Ширия (Прокофия) Шепелёва – Бориско Ширяев (Егорьевский приход), Терентия Скопнина – Корнилко Терентьев, владевший двором вместе с предполагаемым братом Петрушкой Офонасьевым Скопниным (9). Сыновьями погибших в 1610 г. «успенца» Пятого Лунина, «рождественцев» Фёдора Ширяева и Федыки Табанова были соответственно Артёмка (Артюшка) Лунин, Осташка Ф. Шепелёнок и Сенька Ф. Табанов (10). Неясно отношение к другим Скопниным записанного в писцовой книге 1625 г. Евлички Скопнина из Спасского прихода (11). Определённо, однако, что этот дворовладелец родился до 1610 г. При нехватке источников сходство имён затрудняет родословные изыскания. Так, только лишь весьма вероятным представляется, что погибший в 1610 г. Третьячок Нечаев – это муж вдовы Оринки Третьяковской жены Нечаевой, с сыном Гарасимком записанной в 1621 г. В переписной книге 1646 г. этот сын фигурирует как

Гарасимко Максимов Третьяков (12). По отчеству устанавливается крестильное имя покойного Третьяка – Максим.

Выше речь шла о посадских людях и городских бобылях. Выявлены имена представителей других сословий. По крайней мере в 1602–1604 гг. должности губных старост одновременно занимали Потап Полибин и Пятой Митрофанов, дворяне (13). Источник 1613 г. называет протопопа боровского Благовещенского собора Фёдора (14), позднее уехавшего из города. В разборной десятинае 1622 г. записан губной староста Тихон Иванов сын Хомяков, которому было 73 года. По отметке о бедности Хомякова вследствие военного разорения я предполагаю его проживание в Боровске по крайней мере в годы польской интервенции (15). Воеводы и осадные головы как люди, назначавшиеся на время, главным образом короткое, в настоящей статье не учитываются.

Установленные как жители Боровска рубежа XVI–XVII вв. люди перечисляются в приводимом ниже списке. В нескольких случаях данные 1621 г. уточнены по писцовой книге 1625 г., а ошибки публикации 1888 г. исправлены по архивному экземпляру дозорной книги (16).

Список боровичей

Погибшие в 1610 г.: Яков Смолягин, Сысойка Иванов, Познячко Олфимов, Третьячок Нечаев (Спасский приход), Пятой Лунин (Успенский приход), Ивашка Бякин, Жданко Салков (Солков), Сенька Лазарев (1625 г. – Лазутин), масленник Иван Мордвинов, Ероня Михеев, Фёдор Ширяев, Баженко Ходыкин, Максимко Чорной, Илейка Головкин, Ивашка Хряпин (в публикации – Хрянин), Федышка Табанов (Тобанов), Петрушка Лаптев, Тимошка Жилиевской, Васька Митякин (Рождественский приход), сапожник Федышка, Антюха, Бажен, Лукаш (слободка благовещенского протопопа).

Сыновья и вдова: Артёмка (Ортюшка) Лунин, Осташка Фёдоров Шепелёнок, Сенька Фёдоров Табанов, Оринка Треть-

яковская жена Нечаева, Гарасимко Максимов Третьяков, бобыль Савка Лукашев.

Упомянутые в 1602–1614 гг.: Потап Полибин, Пятой Митрофанов, Афонька Мартыihin, Богдашко Полоумов, Ортёмка Ефанов, Олёшка Киркин, Степанко Долгов (Долгой), Микита Юрьев, протопоп Фёдор, Тихон Иванов Хомяков (по записи 1622 г.).

Владельцы дворовых мест Фроловского прихода: Иванко Кирилов, Мишка Дехтярёв, Терех Паскин (в публикации – Пашин), Иванко Беленинов, Терех Скопнин, Богданко Мартынов, Васька Голубой, Родька Зверкин, Бориска Ветошник, Фёдка Скопнин, Родя Митрохин, Онтюх Салехин (не погибший ли в 1610 г. «Антюха?»), Сенька Семенников, Ширяй (Прокофий) Шепелев, Степанко Ярохин.

Другие: Корнилко Терентьев Скопнин, Евличка Скопнин, Бориско Прокофьев Ширяев, Офросиньяца Семёновская жена Семянникова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т.59. С.30.

2. Боровск: Материалы для истории города XVI и XVII столетий. М., 1888. С.2. (Далее – Боровск).

3. Там же. С.3, 9, 10.

4. Там же. С.3.

5. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М., 1911. С.117.

6. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе / Под ред. и с пред. Л.М. Сухотина. Б.м., б.г. С.248, 249.

7. Боровск. С.5.

8. Там же. С.2.

9. Там же. С.2, 7.

10. Там же. С.2, 9.

11. Там же. С.8.

12. Там же. С.2, 14.

13. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С.132, 150, 174; Боярские списки последней четверти XVI–начала XVII в. и роспись русско-

го войска 1604 г. М., 1979. Ч.2. С.78.

14. Боровский уезд в XVII в. (Материалы дозора 1613 года) / Подгот. С. Ермолаев. М., 1992. С.100.

15. Ермолаев С.С. Источник по истории и генеалогии дворянства XVII в.: Боровская разборная десятина 1622 года // Историческая генеалогия. 1993. №2. С.73.

16. Российский государственный архив древних актов. Ф.1209. Оп.1. Д.399.

БОРОВСКИЕ ПУШКАРИ XVII В.

В XVII в. в Боровске было два разряда военнотружителей — пушкарн и казаки. Казаков, во второй половине века ставших драгунами, поселили в 1620 г. Пушкарн же обосновались в Боровске раньше, хотя точно неизвестно когда. Они жили в городе по крайней мере в 1610 г., когда, согласно дозорной книге 1621 г., в Пафнутьеве монастыре, разгромленном Лжедмитрием II, погибли 6 пушкарей. При описании в 1621 г. боровской крепости никакого ущерба ей от времени и войны не замечено. Следовательно, крепость была ещё довольно новой, построенной скорее всего в конце или последней четверти XVI в. Скорее всего, не позднее этого времени и появились пушкарн, которым надлежало заботиться об артиллерии.

Пушкарн жили особым поселением, о котором в документе сказано так: «В Боровске ж за рекою за Паратвою на гривке слобода пушкарская», состоявшая из 9 жилых и 6 пустых дворов. Названы и имена живших в слободе дворовладельцев. В XVI—XVII вв. жительство служилых людей особыми слободами было обычным делом. Обитатели таких слобод получали жалованье, имели ряд льгот, могли торговать и заниматься ремеслом. По данным писцовой книги 1625 г. лавку на торговой площади имел лишь один пушкарь — Дружина Тимофеев Тиняев.

Как и другие горожане, пушкарн возделывали огороды. Близ Пушкарской слободы были луга для выпаса скота пушкарей. В 1642 г. вместо жалованья деньгами и хлебом пушкарям отвели дополнительные земли поблизости от реки у дороги в Высокое. Количество дворов в слободе менялось. В 1621 г. было 9 жилых дворов, в 1647— 8, в 1680 — 12, в 1685 — 14, в 1695 — 9.

Сведения о службе боровских пушкарей сводятся к характеристикам вроде: «в полках на службах великих государей бывает», несёт «полковую и городовую службу». О некоторых пушкарях в документах написано, что они служат уже 50, 30 лет и т.п. Сыновья сменяли отцов по службе. В писцовой книге служилых людей Боровска 1685 г. записан Осип Т. Тимофеев, дед которо-

го Дружина Тимофеев и отец были пушкарями. О предках самых ранних упомянутых в документах пушкарей можно судить по отчествам, а иногда и по фамилиям. Интересный случай связан с родословием Тиняевых и Шавковых (Шевковых). Их фамилии появляются в 1629–1630 и 1677 гг., причём в приложении не к пушкарям. Пушкари Шавковы, упоминаемые с 1680 г., происходили из Шавковых, живших на подворье Троице-Сергиева монастыря по Московской дороге.

По источникам 1629–1630 и 1646 гг. известен обитатель подворья («дворник») Степан Петров, сын которого Иван в 1677 и 1682 гг. жил там же уже с фамилией. Племянником Степана Петрова в 1629–1630 гг. был Тимофеев Тиняев (место с именем в документе повреждено), под которым следует понимать подвластного монастырю Фёдора Тимофеева, в 1625 г. имевшего лавку. Тиняевы и Шавковы были родственными родами, имевшими одного предка, носившего, по-видимому, прозвище Шавка. Члены обоих родов жили в Боровске по крайней мере с начала 20-х годов XVII в. В 1621 г. пушкарей писали без фамилий. Возможно, дело в записи, но не менее возможно, что фамилий и не было ещё. Они развиваются примерно с середины века. Самыми долговечными пушкарскими родами были Жеребцовы, Ждановы (не путать с посадскими однофамильцами), Еупловы, Кулаковы и Тиняевы, о которых известно по источникам 1621–1705 гг.

В период петровских преобразований войска пушкарей стали именовать иначе. В списке жителей Боровска 1705 г. учтено 15 дворов «салдат ис пушкарей». Отдельно записаны 6 дворов «пушкарских детей» (недорослей), отцы которых отсутствовали.

История потомков пушкарей после XVII в. требует отдельного изучения.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ БОРОВСКОГО ПОСАДА XVII–ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

Генеалогической топографией в настоящей работе названо расселение членов родов по изучаемой территории, постоянство их проживания и передвижение в пределах территории и её частей и между частями, сосредоточение членов родов в той или иной местности. Пространственный аспект истории родов ещё не был предметом исследований. Можно лишь отметить выводы ряда историков о стабильности или переменчивости проживания в городах членов некоторых социальных групп (1).

В XVII в. посадские люди были основной частью населения Боровска. Они играли главную роль в экономической деятельности. Генеалогическое изучение, одной из сторон которого является генеалогическая топография, может существенно помочь познанию жизни города. Однако генеалогия посадских людей разработана недостаточно (2).

Источниками по теме служили переписные книги нескольких видов, называемые далее в общем виде переписями (3). Они относятся к 1621–1723 гг. Из источников извлекались сведения о принадлежности дворов конкретным представителям изучаемых родов и о местоположении владений. Источники приходится не на каждый год, в них есть пропуски, но в целом их достаточно для выявления генеалогическо-топографических ситуаций. Источники различаются по подробности описания. Особенным разнообразием сведений отличается перепись 1685 г. В ней приводятся, в частности, данные о величине хозяйств (как в переписи 1625–1626 гг.) и занятиях посадских людей, а также сравнение с более ранними переписями, раскрывающее раннюю принадлежность дворов. В переписях 1695 и 1709 гг. не обозначено местоположение дворов. В переписи 1709 г. большинство дворовладельцев названо без фамилий, хотя в это время большинство посадских фамилии имели.

Период в 100 лет выбран потому, что он достаточен для выяснения постоянства и изменений в генеалогической топогра-

фии. При изучении более коротких отрезков времени движение в пределах генеалогической топографии малозаметно. Разумеется, изучение проблемы по коротким периодам тоже необходимо. Более протяжённый период требует более обширных изысканий. Главное же то, что XVII в. достаточно самобытен и отличается от XVI и XVIII столетий.

План Боровска XVII—первой четверти XVIII вв. вполне стабилен. Основу его посада составляли Егорьевская, Спасская, Пятницкая, Успенская, Воскресенская, Рождественская и Семёновская улицы на правом берегу Протвы. В середине XVII в. посад увеличился за счёт слобод, переданных ему из-под власти Троице-Сергиева и Пафнутьева монастырей, из которых наиболее крупными были Троицкая и Мякишевская (4). Жители этих мест перешли в разряд посадских.

Описания проводились по улицам, но главным образом по приходам. Разделение же на приходы в описаниях не одинаково.

В 1621 г. были описаны Пятницкая улица, «что у торговища», и Егорьевский, Спасский, Успенский, Воскресенский и Рождественский приходы, Троицкая, Мякишевская и Мельничная слободы, а также Фроловский приход, за которым были записаны одни дворовые места и ряд отдельных посадских дворов. В 1646 г. речь идёт о Егорьевской слободе, Пятницком, Никольском и Семёновском приходах, Рождественской слободе и Рождественском приходе. Описание Пятницкого прихода разделено на две части описанием левобережной Бардаковской слободы, возможно, относившейся к данному приходу. Перепись 1677 г. различает Егорьевскую слободу, которой были охвачены Егорьевская слобода, Спасская, Пятницкая и Воскресенская улицы, и «слободу, что была боярина Никиты Ивановича» (Романова). Последняя простиралась на дворы, которые в 1685 г. были отнесены к «Спасскому (прежде Пятницкому) приходу» и Семёновской улице. Перепись 1646 г. числит за боярином Романовым 1 двор на посадской и 3 двора на церковной земле среди посада (5). По данным 1685 г. в 1649 г. из с. Красного в Романовскую слободу было переведено 2 человека и ещё 2 — без указания даты перевода. Неясно положение двора на посадской земле. Прочие дворы стояли в трёх приходах. Переселенцы из Красного были помещены в Воскресенском и Спасском (бывшем Пятницком) приходах.

В переписи 1685 г. в одном разделе соединены Воскресенская, Успенская и Рождественская улицы и по отдельности описаны Пятницкая, Семёновская и Егорьевская улицы и Спасский приход со Спасской слободкой в 2 двора.

В 1719 г. фигурируют приходы Никольский, Успенский, Рождественский, Семёновский, Преображенский, «что на площади», Спасский, «что на взгорье», и Георгиевский. В 1723 г. Семёновский приход назван Воздвиженским, а Спасский – Преображенским (6).

Левобережье тоже не совсем одинаково описано. Описанные в 1621 и 1625 гг. слободка на московской дороге и Троицкая слобода на Бардаковской земле в 1646 г. были обозначены как одна единица «Троецкая, Бардаковская тож» слобода. Позднее её называли слобода Коншина и Троицкий приход. Мякишевская слобода в 1719 и 1723 гг. была той же, что и в XVII в., но под названием Борисоглебского прихода.

Изменение названий проблем не создаёт. Несовпадение же в разделении посада на части затрудняет локализацию дворов. В разные годы один и тот же двор мог быть записан в разные приходы. Из-за неясности последовательности описания пока невозможно составить чертёж расположения дворов с показанием их принадлежности родам.

В настоящей работе речь идёт о родах, сведения о которых имеются в переписях с 1621 по 1723 гг. Учтены роды, записанные после 1621 г., если есть основания сказать, что они существовали как боровские и в 1620-е годы. В число учитываемых родов включены те, что жили в боровских монастырских слободах с 1620-х годов, но стали посадскими позднее, в середине XVII в. (в 1649–1652 гг.).

В большинстве случаев установить принадлежность людей к родам нетрудно. Иногда же линии родства, вероятно, могут быть и оспорены. На таких линиях следует остановиться. В 1621 г. в Мякишевской слободе числился Григорий Пашутин. В 1677 и 1685 гг. соответственно в Коншиной и Мякишевской слободах были записаны Трофим, Микифор и Евсей Антиповы сыновья Помухины. Слободы разные, но местоположение дворов одно. В 1685 г. было сказано со ссылкой на свозную книгу 1652 г., что братья взяты «из-за Пафнутьева монастыря». Эта запись говорит об

их проживании в данном месте в 1649 г. Упомянут и их отец «Осташка Романов», которого с большой долей уверенности можно отождествить с Григорием Помухиным, его возможным братом или сыном. Название одного лица по-разному в источниках XVII в. не редкость. Такое встречается подчас в одной и той же записи. К старейшим родам принадлежали Ширияевы. Один из них — Ширий Шепелёв сын — в 1621 г. записан как владелец дворового места во Фроловском приходе. Сам человек и его отец названы по прозвищам. В той же переписи дворовое место в Рождественском приходе записано на имя Фёдора Ширияева, погибшего в 1610 г. Упоминается также «Осташка» Фёдоров сын Ширияев (в 1625 г. — Шепелёнок). Ширий и Фёдор — одно лицо. В Егорьевском приходе с 1621 по 1677 гг. учитывался Борис Прокофьев сын Ширияев (в 1646 и 1677 гг. — Шепелёв), отношение которого к предыдущим лицам неясно. Как бы то ни было, род Ширияевых выделяется определённо, по крайней мере считая с Бориса Прокофьева сына, потомки которого упоминаются далее как обитатели Егорьевского прихода.

На том же основании, что Помухины, выделены Бочаровы (с 1621 г.) и Ефремовы (упоминаемые с 1652 г.). Более рискованно установление принадлежности к одному роду мякишевского масленника Семёна Григорьева (запись 1621 г.) и братьев Степана, Семёна и Максима Семёновых сыновей Шустовых (запись 1677 г.). В 1685 г. отмечен перевод Семёна Семёнова сына в посадские и назван отец Максима — Крисанко. Таким образом, источник фиксирует Шустовых под 1649 г. Запись о покупке двора средним братом в 1656 г. говорит, что в этом году он был взрослым. Естественно, это относится и к старшему брату Степану. Шустовых можно вполне отнести к первой половине XVII в. Сведения о проживании в одной местности помогают установлению принадлежности людей роду. Исходя из приведённых сообщений, мы рискнули отождествить масленника Семёна с отцом братьев Семёном.

Существенные хлопоты доставляет отсутствие во многих записях фамилий. В XVII в. обычай употребления фамилий у посадских ещё только складывался. У одних родов они были уже в 1621 г., у других утвердились позднее. Не всегда можно быть уверенным в том, что ранние носители родовых имён действи-

тельно уже имели фамилию. Точно можно сказать, лишь имея более ранний материал. Возможно, они были записаны по дедичеству, то есть наряду с отчеством и по деду. Если дедичество повторялось у потомков, то оно трактовалось нами как фамилия. Фамилии формировались постепенно. Например, в 1621 г. в Коншиной слободе (тогда отмеченной без названия) жил Томилко Титов. По источнику 1685 г. устанавливается его церковное имя Карп. Его сын Савелий звался Мерзляк (в 1685 г.) и Мерзляков (в 1677 г.), а внук Алексей – Томилин (в 1719 и 1723 гг.). Далее регулярно употребляется фамилия Томилины.

Роды со временем разветвлялись. За ветвями иногда закреплялись собственные фамилии. Так, в 1677 г. член старого рода Беляевых Трефил Дмитриев сын ещё был Беляевым, но в 1685 г. он, уже покойный, был записан Трофимом Дмитриевым сыном Сапуновым. Афанасий Фефилов сын Кекишев со старшим сыном в 1695 и 1719 гг. идут как Кожевниковы. Поздние фамилии родовых ветвей мы не учитываем, хотя их носители имели тех же предков, что и члены родов, сохранившие первоначальные фамилии. Упомянутый Т.Д. Сапунов в 1685 г. был назван старинным посадским человеком. Так характеризовали людей, отцы и деды которых были посадскими.

Всего установлено 63 рода, существовавших на протяжении столетия. Среди них имеются одноимённые роды, сложившиеся на разных берегах Протвы: Калачниковы, Копырины, Пашутины и Третьяковы. Источники не дают оснований для предположений о родстве между одноимёнными родами.

Источник 1621 г. раскрывает состояние Боровского посада после разорения его части в 1610 г. (7). Составители документа насчитали 41 двор тяглых людей, 13 дворов вдов и 41 дворовое место. В тогда ещё монастырских слободах Мякишевской и Мельничной числилось 52 двора. Кроме того, было ещё несколько дворов в разных частях города.

Наши подсчёты долей рассматриваемых родов в дворовладении отражает таблица 1.

Не учтены дворовые места. Во Фроловском приходе были только дворовые места, из которых одно принадлежало Ширяевым. В Спасском приходе на 6 дворов приходилось 5 дворовых мест, в том числе 3 дворовых места были у трёх родов. В Рожде-

Талица 1
Доля рассматриваемых родов в дворовладении

Часть города	Дворов	Родов	Дворов у родов	Доля родов
Пятницкая улица	14	10	10	5/7
Егорьевкий приход	9	6	6	2/3
Успенский приход	8	4	4	1/2
Воскресенский приход	2	2	2	1
Рождественский приход	7	5	6	6/7
Троицкая слобода	9	2	2	ок. 1/4
Вострый конец	2	1	1	1/2
Мякишевская слобода	45	6	7	ок. 1/6
Мельниная слобода	6	1	1	1/6

Талица 2
Дворовладение родов по городу

Часть города	Дворов	Родов	Дворов у родов	Доля родов
Егорьевкая слобода	13	7	7	б. 1/2
Пятницкий приход	27	12	15	б. 1/2
Бардаковская слобода	22	8	9	ок. 3/7
Семёновский приход	6	4	4	2/3
Рождественская слобода	6	2	2	1/3
Рождественский приход	15	8	9	3/5
Никольский приход	12	7	7	б. 1/2

стенском приходе было 16 дворовых мест, из которых только одно числилось за членом рода Ширяевых. Наибольшую долю члены родов имели в Пятницкой улице, Егорьевском и Воскресенском приходах, старейших частях посада. Рождественский приход интересен тем, что в части, где были жилые дворы, роды составляли большую часть, тогда как в другой его части жителей не было. Потомки этих жителей не установлены.

В 1621 г. в какой-либо одной части города лишь Олёшины и Дрыкины имели по 2 двора (соответственно в Рождественском приходе и Мякишевской слободе). В разных частях города замечены дворы Ширяевых (в Егорьевском и Рождественском прихо-

дах). Перепись 1625 г. сообщает о 2 дворах Олёшиных (как и в 1621 г.), Слемзиных (в Успенском приходе) и Большаковых (в Рождественском приходе).

В 1646 г. в Рождественских слободе и приходе дворовых мест уже не числилось. На месте 23 дворов и дворовых мест в 1621 г. в 1646 г. записан 21 двор. Фамильный состав дворовладельцев существенно изменился. Если в 1621 г. здесь были представители пяти родов, то в 1625 г. — восьми, а в 1646 г. — десяти.

Дворовладение родов по городу отражает таблица 2.

Увеличилось количество родов, имевших больше одного двора в одной части города; по 2 двора было у Волокитиных, Пастуховых и Бордаковых в Пятницком приходе, у Щукиных — в Рождественском приходе и у Слемзиных — в Бардаковской слободе. Одновременно в двух частях города обнаружено уже шесть родов — Пастуховы в Егорьевском и Пятницком приходах, Щукины — в Семёновском и Рождественском, Беляевы — в Никольском и Рождественском, Олёшины — в Семёновском и Рождественском, Санины и Слемзины — в Пятницком и Рождественском приходах. Картину расселения родов в 1685 г. представляет таблица 3.

В 1685 г. у Провоторовых на Семёновской улице и у Пашутиных в Спасском приходе было по 3 двора. В Мякишевской слободе за Второвыми записали 5 дворов, за Ирошниковыми, Бочаровыми, Ефремовыми и Шустовыми — по 3.

Перепись 1719 г. тоже показывает роды, которые имели по несколько дворов в одной части города. В Рождественском приходе только Щукины жительствоваали в 7 дворах, а кроме них были ещё Слемзины с 4 дворами, Гуляевы, Большаковы, Киркины, Куркины и Провоторовы, имевшие по 3 двора (таблица 4).

В начале изучаемого периода, то есть в 1621 г., родам принадлежала треть общего числа дворов. В конце периода, по предпоследней учтённой переписи, сей показатель возрос примерно до двух третей.

Сосредоточение родов в отдельных частях города разное. В Егорьевском приходе постоянно более половины. В Мякишевской слободе — меньше половины. Однако следует подчеркнуть, что по этой части Боровска самих родов удалось установить меньше, чем по другим частям. Поэтому выведенный показатель сле-

Талица 3
Расселение родов в 1685 г.

Часть города	Дворов	Родов	Дворов у родов	Доля родов
Воскресенская улица	8	6	6	3/4
Успенская улца	9	6	6	2/3
Рождественская улица	33	10	12	б. 1/3
Пятницкая улица	15	9	9	3/5
Семёновская улица	22	7	11	1/2
Егорьевкая улица	10	7	8	4/5
Спасский (прежде Пятницкий) приход	40	15	20	1/2
Мельниная слобода	7	5	5	5/7
Коншина слобода	10	4	6	3/5
Троицкая слобода	15	7	9	3/5
Мякишевская слобода	92	18	38	ок. 2/5

Талица 4
Расселение родов в 1717 г.

Часть города	Дворов	Родов	Дворов у родов	Доля родов
Никольский приход	13	6	9	ок. 3/4
Успенский приход	17	8	13	2/3
Рождественский приход	60	18	40	2/3
Семёновский приход	33	15	22	2/3
Преображенский приход	45	15	35	4/5
Спасский приход	15	6	9	3/5
Георгиевский приход	17	5	13	2/3
Борисоглебский приход	103	19	40	м. 2/5
Троицкий приход	27	10	15	б. 1/2

дует считать довольно приблизительным. Отдельные факты весьма любопытны. В 1719 г. из 17 дворов Георгиевского (Егорьевского) прихода только 4 не принадлежали родам. Зато Третьяковы владели здесь 5 дворами, Пастуховы – 3. Иначе говоря, двум родам принадлежала почти половина дворов. В Рождественском приходе, как уже отмечено, стояло 7 щукинских дворов из

общего количества 60. Вместе с тем, было немало родов, за которыми больше одного двора никогда не записывали.

Выделение сыновей в самостоятельные хозяйства вело к образованию кустов дворов рода в пределах одной части города. Дворы располагались чаще всего недалеко друг от друга. Иногда дворы записаны рядом, правда, начиная лишь с 1646 г. (дворы двух Шукиных), или попеременно с дворами других владельцев. Не всегда пока ясно, зависело перемежение дворов от последовательности записей или отвечало действительности. Скорее всего, было и то и другое. Например, в 1621 г. в Рождественском приходе хозяйства Богдана и Ивана Степановых Олёшиных разделены двором Ивана Шукина. По порядку записей означим их номерами 3, 5 и 4. В 1625 г. дворы Олёшиных идут под условными номерами 7 и 10, а между ними находятся усадьбы Ивана Ермолина, которого нет ни до, ни после 1625 г., и Шукина (№9). В обоих документах описание начиналось с двора Лукьяна Гуляева, но во втором источнике после него зафиксировано несколько дворов, отсутствовавших прежде. В 1646 г. двор Богдана Олёшина идёт под номером 16, а дворы его брата и Шукина отнесены к Семёновскому приходу как 4 и 5. Дворы не переносились. Изменилось разделение посада на части.

Расселение родов заметнее по более поздним источникам — 1677—1723 гг. В этот период в двух частях города жили Беляевы (только в записи 1719 г.), Бочаровы (1719, 1723), Второвы (1719), Дёшины (1685, 1719), Киркины (с 1677 г. и далее), «правобережные» Копырины (1685), Матрёнины (1719), Молчановы (1677 и далее), Пастуховы (1646 и далее), Позняковы (1685, 1719), Полежаевы (1719), Полтевы (1719, 1723), Провоторовы (с 1677 г.), Рожновы (1685 г.), Семёновы (1719), Скрыповы (1677, 1685) и Шукины (с 1685 г.). В трёх частях дворы имели Большаковы (1685, 1695), Жилины (1719), «правобережные» Пашутины (1677, 1719), Пешковы (1685), Питухины (1719), Рудаковы (1719, в 1709 и 1723 гг. в двух частях), Фроловы (1709—1723) и Шустовы (1719), а в четырёх частях — Волокитины (1719), Санины (1719), Слемзины (1685, 1719), Третьяковы «правобережные» (1719) и Усачёвы (1719, 1723). Фамилии, представленные в трёх и четырёх частях, бывали записаны в иные годы и в двух частях, что выше не обозначено. В общей сложности более чем в одной местности отмечено

30 родов. Остальные роды за пределы одной части города не выходили.

Принадлежность двора роду прослеживается до деда, не во всех, конечно, случаях, реже — до прадеда. По поводу дворового места Якова Глухова в Троицкой слободе в переписи 1685 г. сказано, что в 1626 г. оно принадлежало прадеду Лукьяну Иванову сыну. О владении дворами до 1621 г. можно судить лишь в нескольких случаях — по упоминаниям вдов Калачникова и Третьякова в Воскресенском приходе, Стрельцова — на Пятницкой улице.

Новые дворы членов рода создавались на местах, уже освоенных другими людьми, или на участках, на которых хозяйств не было. В переписи 1677 г. после слов о переводе крестьян из Романовской слободы в Красное, вероятно, в 1654 г., сказано: «а ныне в той слободе живут посацкие люди» (8). Установить, кого из посадских документ подразумевает, не удалось. В других случаях новые владельцы поселялись во дворы выбывших посадских людей. Причиной выбытия могло быть то, что прежний владелец давно умер и «детей никого не осталось» (9). Двор мог остаться бесхозным потому, что владелец его ушёл из Боровска. В Рождественском приходе был двор, которым владели сначала Добрыня Филипов сын Острокопытов (позднее писали Строкопытов), а потом его сын Матвей. Последний в 1672 г. перебрался в Москву. В 1685 г. двор принадлежал Савве (или Савелию) Федотову Большакову, жившему рядом. Бывший Матвеев двор в 1685 г. Большаковым ещё не был освоен и считался пустым. Однако в 1695 г. двор уже имел жильё.

Источники не всегда называют условия, на которых двор получал нового владельца, но иногда они это делают. В ряде случаев прямо говорится о покупке усадьбы. В 1685 г. описан двор на Семёновской улице, не числившийся в первой половине XVII в., данный в неуказанный год из выпускной земли Лукьяну Табанову, вдова которого «лет 20» назад (около 1664–1665 гг.) продала его Андрею Провоторову. В 1646 г. Андрей был записан «во дворе» на Пятницкой улице. Сын Андрея Самсон в 1685 г. тоже жил на Семёновской улице на месте, прежде имевшем другого владельца. Возможно, сын остался в отцовском доме, который записали по другой улице, а отец перешёл в купленный двор. Племянник Самсона Степан Степанов сын Провоторов получил

двор рядом с дядей за 3 года до переписи, выделенный из посадской выпускной земли. Таким образом, примерно за 20 лет на Семёновской улице образовалось 3 дворовладения Провоторовых.

Выдача участков выпускной земли под новые дворы, производившаяся «посадским миром», была нередкой. В третьей четверти XVII в. довольно значительное количество таких выдач пришлось на Семёновский приход. По-видимому, это привело к удлинению улицы в южном направлении и приближению прихода к «Ерославецкой» улице. Интересно, что Влас Агеев сын Жилин, живший на близлежащей Пятницкой улице, из выпускной земли приобрёл на Семёновской 3 двора, числившихся при записи пустыми, то есть неосвоенными, находившихся «все вместе об межу». Ещё один Жилин, Кузьма Насонов, жил на Семёновской же улице в усадьбе, прежде принадлежавшей другому человеку. Один случай образования двора на выпускной земле записан по Успенской улице. Тоже один случай использования под двор выпускной земли отмечен прямо в Спасском приходе. Ещё четыре случая записаны там же без указаний условий. В результате Спасская слобода расширилась «по другую сторону улицы», видимо, ближе к Текиже. В том же 1685 г. записано заведение 11 дворов в Мякишевской слободе. Однако неясно, ставились ли дворы на пустовавших землях или создавались на месте хозяйств крестьян, выведенных в подмонастырскую слободу. Василий Артемьев сын Дёшин, отделившись от отца, пришёл из слободы Коншина в Мякишевскую слободу во двор, включивший клочок драгунской земли.

Особый случай представляет самовольное поселение незадолго до 1685 г. нескольких человек, в том числе «старого посадского человека» Никиты Денисова Усачёва на земле протопопа московского Архангельского собора. Дело с самовольщиками закончилось тем, что протопопу был оставлен 1 двор, а остальную часть слободки отписали на посад. Усачёв был записан в данном месте и в 1719 и в 1723 гг., когда слободка составляла часть Троицкого прихода. Отец и дед упомянутого Усачёва в 1646 г. жили в Пятницком приходе. В 1677 г. будущий самовольщик жил у дяди Елисея в Егорьевской слободе.

Можно уверенно говорить, что Никита Усачёв переселился потому, что хотел завести своё хозяйство. Чаше приходится лишь

констатировать факты перемещений. В 1685 г. было записано, что Андрей Гаврилов сын Воронков когда-то жил в Палачовской слободке (10). Перепись 1646 г. застала его с сыном «Ганкой» в Бардаковской слободе, а перепись 1677 г. — на Семёновской улице. Таким образом, А.Г. Воронков сначала жил на правом берегу, потом на левом, вернулся на правобережье, но в другое место. О причинах его переселений ничего сказать нельзя. Его потомки жили уже на Семёновской улице. По данным 1685 г. в Палачовской слободке некогда обитал и Евсей Гаврилов сын Бордак. В 1646 г. дворы этого Евсея и его сына Никона числились в Пятницком приходе, сами же они были взяты в кирпичники в Москву. В 1677 г. в слободе Коншина, в 1685 г. в Мякишевской слободе, но определённо на одном и том же месте находились дворы сыновей Никона. В 1719 и 1723 гг. дворы считались в Троицком приходе.

Изредка встречаются записи о проживании во дворе члена другого рода. Так, в описании одного «неродового» двора на Воскресенской улице в 1685 г. отмечено, что в нём в своей избе живёт вдова Елисея Стрельцова с сыном, купившая треть двора.

Нечасты и сведения о зятях, переселившихся во двор в другой части посада. Для примера сошлёмся на источник 1723 г., сообщающий о зяте нищего Степана Ларионова в Троицком приходе Андреяне Спиридонове сыне Большакове, который прежде жил в родительском доме в Рождественском приходе (в 1695 и 1709 гг.).

Пример А.С.Большакова есть одновременно пример переселения с берега на берег. В разное время на правом берегу появились представители Бочаровых (в Рождественском приходе, по записи 1709 г.), Воронковых (см. выше), Второвых (в Рождественском приходе, 1719), Молчановых (в Спасском приходе, 1719, а затем и в Преображенском, что на взгорье, 1723), Позняковы (в Рождественском приходе и на Семёновской улице, 1719), Полежаевы (в Никольском приходе, 1719) и Шустовы (в Семёновском и Преображенском, что на площади, приходах, 1719). Кроме Полежаевых, вышедших из Коншиной слободы, остальные левобережники происходили из Мякишевской слободы (позднее Борисоглебского прихода). На левом берегу обосновались Большаковы и Щукины (из Рождественского прихода в Мяки-

шевскую слободу, 1685), Дёшины (из Егорьевской слободы в Коншину, 1677), Санины (из Успенского или Рождественского прихода в Борисоглебский приход, 1719). Усачёвы в 1685 г. записаны в Мельничной слободе, в 1719 и 1723 гг. — в Борисоглебском и Троицком приходах. Возможно, самым ранним из установленных случаев освоения обоих берегов одним родом было нахождение Слемзиных в 1621 г. в Успенском приходе и в Троицкой слободке. Последняя была учреждена в 1616 г. на месте осадных дворов галицких татар. Не исключено, что кто-то из Слемзиных прибыл в Троицкую слободку в 1616 г. или в период между 1616 и 1621 гг. В общей сложности на другом берегу появились дворы 13 родов. Из них лишь Воронковых и Позняковых не осталось на прежнем месте.

На протяжении столетия большинство посадских родов жило в той местности, в которой их застали ранние переписи. В 1621 г. на Пятницкой улице из 14 дворов 7 принадлежали членам семи родов. В 1719 г. примерно та же местность, лишь под названием Преображенского прихода, была описана приблизительно в том же порядке, что в 1621 г. Дворов было уже 45. Здесь по-прежнему жили члены семи родов: Пашутиных (4 двора), Жилиных (5 дворов), Долговых (1 двор), Волокитиных (3 двора), Усачёвых (2 двора), Пешковых (1 двор) и Стрельцовых (3 двора). Кроме того, были представлены Пастуховы, которые в 1621 г. и позднее жили в Егорьевском приходе, но в Пятницком приходе имели дворовое место. В 1646 г. на этом месте уже был двор одного из Пастуховых.

Работа над генеалогической топографией может быть продолжена применительно к более позднему времени (11).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. соответственно разные выводы о податных и служилых людях: Тихомиров М.Н. Город Дмитров: От основания города до половины XIX века. Дмитров, 1925. С.57–58; Киселев И.А. Генеалогический состав боровского дворянства во второй половине XVI–XVII вв. // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования: Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции. Москва 31 января–3 февраля 1989 г. М., 1989.

2. Работы А.И. Аксёнова показывают большие возможности генеало-

гического изучения непривилегированных сословий, не сводящегося к составлению поколенных росписей и родословных древ. См.: Аксёнов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; он же. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993 (имеются сведения и о боровских купцах). Появились работы по генеалогии крестьянства и рабочего класса. См., например, статьи В.А. Варенцова, Н.Ф. Филатова, М.Ф. Прохорова и М.Г. Мейерович по генеалогии купцов, крестьян и рабочих XVII–XIX вв. в книге «Генеалогические исследования: Сборник научных трудов» М., 1994.

3. См.: Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888 (Далее – Боровск).

4. См.: Осипов В.И. Опыт локализации слобод и границ г. Боровска в XVII в. // Материалы Боровских чтений: Археология. История. Краеведение. Боровск, 1988.

5. Эти дворы без указания имён владельцев отмечены и в обобщающем документе о боярском землевладении. См.: Рождественский С. Роспись земельных владений московского боярства 1647–1648 года // Древности: Труды Археографической комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1913. Т.3. С.211.

6. В 1719 и 1723 гг. приходы назывались так: «Приход церкви ...» Мы пользуемся вполне обиходными, более краткими формами, вроде «Троицкий приход».

7. Об ущербе городу в 1610 г. см.: Осипов В.И., Осипова А.И. Боровск в XVII в. // Боровский краевед. Вып.7. Боровск, 1997. С.108–110.

8. Боровск. С.19.

9. Ссылки на чью-либо кончину «лет тридцать» назад в источнике 1685 г. могут означать гибель от эпидемии 1654 г. Например, в описании двора, не принадлежавшего члену учитываемого рода, сказано, что прежде двором владела вдова Семёна Колачникова с сыном, умершие 30 лет назад. Вдова с сыном Фёдором были учтены в том же Воскресенском приходе ещё в 1621 и 1625 гг.

10. В 1629–1630 гг. в Мякишевской слободе жили бобыли Кондрат и Тимофей Ивановы дети Воронковы, отношение которых к А.Г. Воронкову не установлено. В 1621 г. в той же слободе жил монастырский служака Гаврила Андреев сын Воротников (возможно, ошибка при публикации). Не исключено, что это был отец Андрея или упомянутый «Ганка», названный по деду.

11. Некоторые потомки посадских людей и в середине XIX в. жили или, по крайней мере, владели домами в тех же местностях, где и их предки. Так, «Калужские губернские ведомости» от 28 января 1850 г. сообщали о продаже домов Н.Т. Щукиным в Воздвиженском приходе (в

1646 г. Семёновский), Р.А. Полежаевым в Троицкой слободе (прежде Бардаковской, Коншиной, Троицкой) и Е.П. Ирошниковым на Бардаковской улице, не столь уж далёкой от Мыкишевской слободы предков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Роды	1621	1625	1646	1677	1685	1719	1723
Беляевы		У	Н Р	В	У	У С	У Во
Болдыревы		б.м.	+	К	М	Бг	Бг
Большаковы		Р	Р С	Р	У Р	Р	Р
Бордаковы		Па+	П	К	М Т	Т	Т
Бочаровы	М		М+		М	Бг Р	Бг Р
Бритарёвы		б.м.		С С/П	С С/П	С	Во
Ветровы	М	М+	М+	М	М	Бг	Бг
Волокитины	П	П Сп	П	К П	П С/П	Сп С	ВоПр
				С/П С	С К	Пр Т	Пр-1
Воронковы		Па+ М+	Б	С	С С/П	С	Во
Второвы		б.м.	М	М	М	Бг Р	Бг Р
Глуховы		Т	Б	К	Т	Т	
Гуляевы	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р
Девятовы	М		М+	К	М	Бг	Бг
Дёшины	Е	Е	Е	Е К	Е К Т	Е Т	Е Т
Долговы	П	б.м.		С/П		Пр	Пр
Дрыкины	М	б.м.	+		М	Бг	Бг
Ефремовы			+		М	Бг	Бг
Жилины	П	П	Б	П С/П	П С/П	Пр Р	Пр Р
					С	С	Во
Ирошниковы		б.м.		К	М	Бг	Бг
Калачниковы	В	В	Н	П	П	Пр	Пр
Калачниковы			+		М	Бг	Бг
Кекишевы			М	М	М	Бг	Бг
Киркины	П			Р С/П	Р С/П	Р Пр	Р Пр
				Сп	П		
Копырины	У	У	П	С/П	П	С	Во
Копырины	М	М+	+	К	М	Бг	Бг
Куркины	П	П		Р		Р	Р
Кутавины	У	У	Р	В	У	У	У

Роды	1621	1625	1646	1677	1685	1719	1723
Матрёнины Молчановы		М+ Т	Н +	В К М	В М	С Пр Бг Сп	Во Пр Бг Во Пр-1
Морозовы	У	У	Н	В	В	У	У
Мякотины	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е
Некрасины	Е	Е	Е	Е	Е	Пр	Пр
Олёшины	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р
Пастуховы	Е	Е П	Е П	Е С/П	Е С/П	Т Е	ЕПр Пр
Пашутины	П		Н	П В С/П	П В	Пр С У	Пр Во У
Пашутины			М+	М	М	Бг	Бг
Пешковы	П	П	П	Сп Р	С/П Р	Пр Р	Пр Р
Питухины	Е	Е	П	С/П	С/П	Сп Р С	Пр-1 Р Во
Плюшкины		Т	Б	К	Т	Т	Т
Позняковы	М	М+	М	С/П	М	Р С	Во
Полежаевы			Б	К	К Т	Н Т	Н Т
Полтевы			П	Сп	Ме С/П	Н Сп	Н Пр-1
Помухины	М			К	М	Бг	Бг
Провоторовы			П	С/П С	П С	Р С	РВо
Рожновы		В	Н	В	В	Н	Н
Розинины			Е	Сп	С С/П	С	Во
Рудаковы*			Р			Р Сп У	Р У Пр-1
Санины		Р	П Р	В Р С/П	В Р С/П	Р Н У Бг	Р Н У
Селезнёвы		Сп		Сп	С/П	Сп Е	Пр-1
Скрыповы	П	П		Сп С/П	С/П	Пр	Пр
Слемзины	У Т	У	П Б Р	В К	Ме К Р У	Н Р Т	Н Р Т
Стрельцовы	П	П		П	В П	Пр	Пр
Строкопытовы		Р	Р	Р	Р	С	Во

Роды	1621	1625	1646	1677	1685	1719	1723
Сыровы		М+	+		М	Бг	Бг
Томилины	Т	Т	Б	К	К	Т	Т
Третьяковы	В	В	Е	Е В	Е У	Е Пр УР	Е Пр УР
Третьяковы			Б	К	Т	Т	Т
Усачёвы	П	П	П	Е Сп	Е Ме С/П	Е Пр Бг Т	Е Пр НТ
Ушаковы	Р	Р	С	Р	Р	С	Во
Фроловы	Вос			П В	П В У Р	Н У Р	Н Р
Ширяевы**	Е Р	Е Р	Е	Е	Е		
Шустовы			М+	М	М	Бг С Пр	Бг Во Пр
Щукины	Р	Р	Р	Р	Р М	Р Бг	Р Бг

* Упомянуты также в 1709 г.

** Упомянуты по 1709 г.

В таблице показано, какие роды в какие годы зафиксированы источникам в той или иной части города. В графу для 1625–1626 гг. внесено и несколько известий, содержащихся в переписи 1629–1630 гг., и о людях из Палачовской слободки, о которых нет более ранних сведений. В графе для 1646 г. помещены и сведения о переписях 1649 и 1652 гг., приведённые в 1685 г. Дополнительные данные в этих двух графах отмечены крестиком.

Части города обозначены так: Б – Бардаковская слобода, Бг – Борисоглебский приход, б. м. – без указания места в перечне лавок в 1625 г., В – Воскресенский приход (улица), Во – Воздвиженский приход, Вос – Вострый конец, Е – Егорьевская слобода и т. д. (с 1719 г. Георгиевский приход), К – Коншина слобода, М – Мякишевская слобода, Ме – Мельничная слобода, Н – Никольский приход, П – Пятницкий приход (улица), Па – Палачовская слобода, Пр – Преображенский приход, что на площади, Пр-1 – Преображенский приход, что на взгорье, Р – Рождественский приход, С – Семёновская улица (приход), С/П – Спасский (прежде Пятницкий) приход, Сп – Спасский приход, Т – Троицкий приход (слобода), У – Успенский приход (улица).

ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПОДБОРОВСКИХ СЛОБОД ПАФНУТЬЕВА МОНАСТЫРЯ В XVII В.

До середины XVII в. к вотчинам Пафнутьева монастыря относились, в частности, 4 слободы, соседствовавшие с боровским посадом. При посадском строении все 4 места были поначалу приписаны к посаду, но в дальнейшем Высоцкая и Никольская слободы остались за монастырём. Самой крупной была Мякишевская слобода, по количеству дворов и жителей намного превосходившая остальные слободы, вместе взятые (1).

Источники о слободах и посаде старше XVII в. не сохранились. По источникам XVII в., несмотря на различные пробелы в их содержании, можно изучать многие стороны жизни, в том числе занятия жителей монастырских слобод. Старейший обобщающий документ — дозорная книга 1621 г. — сообщает сведения о живших в пафнутьевских слободах лицах духовного звания, монастырских служках и служебниках, «жилецких молотчих людях» (только в Мякишевской слободе) и бобылей. В Высоцкой слободе были учтены монастырский дворник и две вдовы (2). Писцовая книга монастырских вотчин 1629—1630 гг. не упоминает служек, а бобылей делит на непашенных и сидевших на церковной земле (3). Переписная книга 1646 г. всех лиц недуховного сословия числит в непашенных бобылях (4).

Сведения источников о занятиях страдают неполнотой. Во-первых, они относятся главным образом к дворовладельцам. Занятия же членов семей указываются лишь изредка. Например, об одном иконописце («иконнике») сказано, что он «з детьми пишет образы» (5). Во-вторых, в документах 1621 и 1629—1630 гг. виды занятий показаны только для служебников. В Мякишевской слободе в 1621 г., не считая причта, были 31 двор и 1 дворовое место, а занятия жителей указаны лишь по 13 из них. В описаниях Мельничной слободы названы занятия по 5 из 6 дворов, Никольской слободы — по 1 из 6, Высоцкой — по 2 из 7. Большинство остального населения слобод составляли непашен-

ные бобыли, то есть люди, не занимавшиеся полеводством. В документе 1629–1630 гг. сказано: «Пашни к тем слоботкам нет» (6). В 1621 и 1629–1630 гг. было зафиксировано более полутора десятков видов занятий служебников. Служебников было не так уж много, и поэтому на каждый вид приходится по 1-3 работникам. К производству продуктов питания относились маслобойное, мельничное, поварское, рыболовное, солодовенное и хлебопекарное дело. Сюда следует отнести записанных в разные годы садовника и огородника при монастыре. Другие виды производственной деятельности были связаны с обработкой кожи, кузнечным делом. Имелись плотники, портные, сапожники и серебряники. Представление о занятиях слобожан несколько расширяет роспись торговых точек и кузниц в Боровске, включённая в писцовую книгу посада 1625 г. Из 77 лавок, лавочных мест, скамей и кузниц жителям слобод принадлежало 30 (7). В росписи указано 15 человек, о занятиях которых в других документах 1620-х годов ничего не сказано (бобыли Иван Дм. Второв, Гаврила Андреев, Иван Фёд. Болдырев, Григорий Ив. Помухин и др.). Из росписи явствует, что торговали и те, чьи занятия были указаны (мельник Иван Никонов, кожевник Федот Трофимов, сапожник Сидор Кирилов и др., всего 10 человек). Поскольку виды товаров в источнике не названы, то остаётся неясным, продавали известные по именам купцы продукты своего труда или сбывали продукцию, произведённую другими людьми. Ничего нельзя сказать и о возможной торговой специализации.

Показателем относительных масштабов торговли, хотя и не её реальных объёмов, являются размеры оброков, которые надлежало платить казне. В 1625 г. самый высокий оброк (10 алтын в год) был установлен одному посадскому человеку. Из 5 человек с оброками в 4-8 алтын трое были из Мякишевской слободы (Орём Матвеев – 8 алтын 4 деньги, Иван Второв – 6 алтын, Дементий Андреев Дрыкин – 4 алтына), а из 13 плательщиков трёхалтынного оброка – четверо. Четверо «пафнутьевцев» принадлежали к плательщикам наименьших оброков (4-8 денег).

В переписной книге 1646 г., скудной сведениями о профессиях, отметим отсутствующие в предыдущих источниках упоминания о монастырском водовозе и иконописце.

Наиболее полные данные по теме содержатся в документах, составленных во время посадского строения (1649–1652), когда решался вопрос о том, кого из жителей слобод перевести на посад, а кого оставить за монастырём. Один из документов показывает количество дворов и жителей в каждой слободе (см. приложение 1), другой даёт статистическую (без имён) характеристику слободского населения по видам занятий (приложение 2). Мерная именная роспись представляет собой перечень дворовладельцев и членов их семей мужского пола (8). В документе указано занятие каждого дворовладельца, а изредка – и членов семьи, называется вид торгового заведения и виды продававшихся товаров. Указывается профессия ремесленника и вид ремесленной продукции («шьёт портное», «делают сапожное» и т.п.).

Подсчитав по именной росписи, я сделал вывод, что торговля в городе и за его пределами была основным делом в 36 дворах Мякишевской слободы. Среди мякишевских ремесленников были кузнецы (в 6 дворах), сапожники и овчинники (по 4 двора), кожевники и серебряники (по 3 двора), портные, масленники, воскобойники, иконники, солодовники и свечники (по 2 двора), 1 плотник, он же колёсник, и 2 колачника. Выращивание и продажа лука и чеснока было основным занятием 22 дворовладельцев. Отсутствие торговли и ремесла источник описывает словами «промыслу никакова нет, кормитца работою наймом», «промыслу никакова нет, пашню пашет», «черную работу делают». Работой по найму жили 12 человек. Жители 3 других слобод имели некоторые из названных выше профессий. В Мельничной слободе жил единственный в округе сетевязальщик. Любопытно сосредоточение сапожников в Никольской слободе – в 4 из 7 дворов.

Практиковавшиеся в слободах ремёсла были связаны с созданием продуктов питания, изготовлением одежды и обуви, предметов хозяйственного и церковного обихода. Иконники и серебряники представляли художественное ремесло. Продукция серебряников характеризуется несколько подробнее, чем продукция других ремесленников. Наряду с обобщённой записью «делает серебряное» упоминаются виды изделий: скань (Конон и Герасим Нечаевы из Мякишевской слободы), кресты и перст-

ни с камнями (мякишевец Фатей Михайлов), кресты и серьги (Кондрат и Матвей Кузьмины из Высоцкой слободы) (9).

В ряде случаев источники отмечают соединение ремесла и торговли. Например, Богдан Иванов Кекишев был кожевником по ремеслу и одновременно торговцем «кожевным», Прокофий Максимов Иконник сам писал и сам продавал образа (10). В других случаях неясно, своими ли изделиями торговал ремесленник, а иногда, напротив, очевидно, что ремесленник продавал не своё. Так, портной Василий Яковлев Шваль был и мёдоторговцем (11).

В большинстве своём ремесленники специализировались на одном виде продукции. Семён Иванов Масленник и Афанасий Васильев из Мельничной слободы били и продавали масло, но также пекли на продажу гречишники (12). Среди купцов наблюдается как специализация (торговля, скажем, железными изделиями), так и её отсутствие (торговля мёдом, солью и рыбой; мёдом, рыбой и воском; мёдом и хмелем; мёдом и железными изделиями и т.п.).

Для многих единственным источником доходов было выращивание на огородах лука и чеснока, некоторыми слобожанами отвозившихся на продажу даже в Москву. Для многих же лук и чеснок были подспорьем. О выращивании лука и чеснока упоминается в описаниях 89 из 108 мякишевских дворов, 15 из 18 дворов Высоцкой слободы, 5 из 7 дворов Никольской и 2 из 15 дворов Мельничной слобод. О возделывании других культур сведений нет, за исключением хмеля на хмельнике мякишевца Степана Кузьмина Дрыкина (13). О значении обработки земли свидетельствуют записи: «Пашню на себя пашет на наемной земле». Сей не очень ясный оборот, скорее всего, говорит об аренде дополнительных участков под огороды.

Пока что выявлено незначительное количество сведений об участии пафнутьевских слобожан в откупном деле. 18 июля 1632 г. была приложена печать к откупной грамоте «Первушке» (Севастьяну) Кузьмину Дрыкину на кабак на срок с 1 сентября 1632-го по 1 сентября 1633 г. с обязательством выплатить казне 112 рублей 6 алтын 4 денег (14). В 1635 г. тот же человек получил на откуп таможду за 70 руб. 27 алт. 3 ден. и взял на оброк лавочное место (15). Судя по не полностью разобранным запи-

си, какое-то отношение к таможенной избе в 1632 г. имел портной из Мельничной слободы «Савка» (вероятно, Савелий) Лукьянов (16). Согласно мерной именной росписи, упомянутый выше С.К. Дрыкин имевшуюся у него лавку сдавал в аренду, а сам в каком-то другом городе «на кобоках (так! — Г.К.) сидел» в «товарыщех с откупщиками» (17).

Источники показывают значительные различия между жителями слобод, обусловленные приобретёнными профессиями или отсутствием таковых. Среди не имевших профессии были и те, о ком было написано «кормятца по миру», «кормятца Христовым именем». В 1646 г. во всех слободах было зафиксировано 5 дворовладельцев-нищих, в 1649 г. — 6 нищих вдов, оставшихся во главе дворов.

При посадском строении большинство жителей пафнутьевских слобод было записано в посадские люди, а меньшинство оставлено за монастырём. Сохранилась «Роспись Пафнутьева монастыря торговым, лавочным и промышленным людом, которым быть в Боровску в посад», состоящая из 2 списков людей — переведённых на посад и оставленных в монастырской власти (18). Сравнив этот документ с мерной росписью, устанавливаем, что за монастырём осталось несколько ремесленников (по 2 мельника, иконника и сапожника, кузнец, серебряник, плотник и вязальщик сетей). Большинство же оставшихся за монастырём числилось в не имевших промысла или торговли, живших лишь от лука и чеснока или «черной работы». Среди не имевших «промыслу никакова» был Михайло Евтифиев Бушуев, единственный, о ком сказано, что он «пашню пашет». Обобщённо же оставленные за монастырём люди именовались пашенными.

Одним из результатов посадского строения было возникновение, по выражению одного источника, «блиско монастыря, а не блиско Боровского посаду» (19) Рошинской слободы. В источнике 1678 г. рошинцы названы беспашенными бобылями (20). Занятия жителей монастырских слобод после посадского строения в настоящей статье не рассматриваются.

Сообщённые выше результаты наблюдений основаны на прямых известиях источников. Дополнительную информацию по теме доставляют личные и унаследованные прозвища и фа-

мии. О профессиях говорят следующие именованья: Сапожников (в 1646 г.) и сыновья его Подшивалины (1652), Крупеня (он же Крупенин), Кузнецов (сын кузнеца, упомянутого в 1621 г.), Ситников (он же Бочарников), Коваль (он же Ковалёв), Ирошников, Шваль и сын его Швалёв, Голубятников, Струнников, Мылков, Красильник (в 1629–1630 гг.) и сыновья его Красильниковы (в 1646 г.); Кузнец, Колачник, Масленник, Иконник, Авчинник (в 1646 г. Ирошников), Серебряник, Солодник. С занятием, видимо, связано прозвище монастырского водовоза Ерофея Фёдорова Цепляй (1646). Впоследствии от некоторых «профессиональных» прозвищ образовались фамилии. Например, от Михаила Алексеява Колачника документов 1646–1652 гг. пошла фамилия Колачниковы. В 1621 и 1629–1630 гг. Михайла Алексеев числился хлебником.

Прозвища вроде Кузнец, писавшиеся после отчества, обычно показывают занятие называемым делом в год записи. Впрочем, иногда такие формы прозвищ в действительности являются унаследованными, то есть по смыслу равнозначными Кузнецову, например. Унаследованные прозвища не всегда говорят о профессиях их носителей. Скажем, Василий Як. Шваль действительно «делал портное», сын же Микита, живший своим двором, имел доход лишь от выращивания и продажи лука и чеснока (21).

Унаследованные прозвища и фамилии являются подчас единственными свидетельствами о занятиях людей, о которых источники молчат. Так, с 1621 г. в документах фигурируют мякишевцы Ирошниковы. Первыми известными членами рода были бесфамильные сыромятник Иван Игнатов и его племянник овчинник Ждан Григорьев (22). Фамилия появляется с 1646 г. Мерная роспись сообщает, что Ирошниковы занимались овчинами. Фамилия же происходит от слова «ирошник», обозначающего человека, делавшего ирху, как назывался род выделанной кожи, а также меховая отделка верхней одежды (23). Поскольку фамилии часто образовывались от имён и прозвищ дедов (24), то можно предположить, что фамилия Ирошниковы, под которой записаны сыновья Ивана Игнатова, восходит к наименованию специальности деда Игната или более раннего предка. Не установлено, делали ли ирху известные Ирошниковы, но по

крайней мере в первой половине XVII в. они работали с кожей, как и их предок (предки). Судя по фамилии, у Мыльниковых (Мылковых) был предок мыловар. По фамилии Голубятниковы мы устанавливаем, что когда-то жил голубевод и (или) охотник на голубей. От предка, видимо, занимавшегося сыроварением, масленнику Ивану Яковлеву, записанному в 1629–1630 и 1646 гг., досталось прозвище Сыров, ставшее потом фамилией. Фамилии и прозвища «профессионального» характера позволяют немного расширить представление о занятиях людей и о наборе профессий и проникнуть в несколько более раннее время, чем годы записей в сохранившихся источниках.

Переписные документы отражают состояние дел в 20-е годы и на рубеже 40-х–50-х годов XVII в. Это своего рода срезы информации по теме. Профессиональную деятельность некоторых слобожан можно изучать по обоим срезам. О других людях можно судить лишь по какому-либо одному источнику. Поскольку жители слобод трудились не только в годы описаний, то фактически рамки хронологических «срезов» шире отдельных лет. Возможно, в 1620-е годы были и другие виды занятий, помимо отмеченных в документах. Установленный круг видов занятий довольно широк. Это позволяет предполагать, что большинство видов деятельности нами выявлено.

Приложение 1. Количество дворов и жителей (РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.101–103. Документ даты не имеет, но содержит ссылку на строельную книгу 7157 (1649) г.).

Мякишевская слобода: дворов 102, дворовладельцев 103, членов семей 201, вдовьих дворов 10, членов семей 23, дворов пустых 1, дворовых мест пустых 1.

Мельничная слобода: дворов 8, дворовладельцев 8, членов семей 15, вдовьих дворов 3, членов семей 5, вдовьих дворов бездетных 1, мельничьих дворов 2, мельников 2, членов семей 5.

Никольская слобода: дворов 6, дворовладельцев 6, членов семей 13.

Высоцкая слобода: дворов 16, дворовладельцев 16, членов семей 25, вдовьих дворов 2, членов семей 3.

(В источнике дворовладельцы – «люди». Членами семей

мы назвали упоминаемых в источнике детей, братьев, внуков, пасынков, племянников и зятей.)

Приложение 2. Классификация жителей слобод в росписи периода посадского строения (РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.104–107).

Мякишевская слобода: «торговых людей» 29 (у них 32 лавки и амбар); «торговых людей» 12 (в 11 наёмных лавках и амбарах); торгующих «отъезжими торги» 27; вдов, дети которых торгуют, 3 (3 лавки); вдов, дети которых торгуют «отъезжими торгами», 2; вдов, дети которых имеют кузницу, 1; вдов, дети которых торгуют «всякими товары», 1; вдов, дети которых торгуют маслом, 1; торгующих «всякими торги» 4 (в том числе 1 торгующий в отъезде); сапожников, торгующих в отъезде, 1 (с сыном); портных, торгующих в отъезде, 2; портных 3 (с 1 братом); сапожников 1; иконников 2; колесников 1; кузнецов в своих кузницах 4; торгующих «на наёмных полках» 4 (в том числе 3 серебряника); «пашет огород, торгует луком» 1; «пашенных людей» 11; «кормитца в наймех» 1; нищих вдов 1 (с сыном); бездетных вдов 1.

Мельничная слобода: мельников 1 (имеет лавку), пекарей гречишников 1 (с детьми, торгующими всяким товаром в отъезде), масленников, торгующих на наёмных полках, 1, кузнецов в своих кузницах 2, сетевязальщиков, пашенных 1, не имеющих промысла 1, нищих вдов 4.

Никольская слобода: торгующих «всяким товаром» в своей лавке 1, сапожников, торгующих мясом в своей лавке, 1, сапожников 4.

Высокая слобода: торгующих в своих лавках 5, торгующих в наёмных лавках 1, торгующих на наёмных полках 1, портных 1, сапожников 1, вдов 1 (с 2 сыновьями серебряниками), нищих вдов 1, «пашенных людей» 3.

Приложение 3. Перечень занятий по именованным переписным документам.

Мякишевская слобода: бочарники, воскобойники, иконники, кожевники, колачники, кузнецы, масленники, овчинники, огородники, плотники, повара, портные, рыболовы, садов-

ники, сапожники, свечники, серебряники, солодовники, сыромятники, хлебники; купцы; работники по найму; пахари; нищие.

Мельничная слобода: кузнецы, масленники, мельники, мельничные «засыпки», портные, вязальщики сетей, работники по найму.

Высоцкая слобода: масленники, огородники, портные, рыболовы, сапожники, свечники, серебряники; купцы; работники по найму; нищие.

Никольская слобода: масленники, сапожники; купцы.

(По некоторым специальностям выявлено только по 1 человеку за все годы).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Осипов В.И. Борьба посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырём за слободы в XVII в. // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв. М., 1988. С.115–128; он же. Взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырём в XVII в. // Боровский краевед. Вып.2. Боровск, 1990. С.51–66.

2. См.: Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С.5–6. (Далее – Боровск).

3. Там же. С.203.

4. В сборнике «Боровск» перечень жителей монастырских слобод опущен. См.: РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.1. Д.440. Л.349–359об.; Ф.281. Оп.3. Д.630. Л.1–13.

5. РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.201.

6. Боровск. С.202.

7. Подсчитано по: Боровск. С.11–13.

8. РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.187–215.

9. Там же. Л.198, 206, 209, 210.

10. Там же. Л.187, 203.

11. Там же. Л.193.

12. Там же. Л.212, 213.

13. Там же. Л.193.

14. Там же. Ф.233. Оп.1. Д.17. Л.150.

15. Там же. Д.25. Л.192, 234.

16. Там же. Д.22. Л.102об.

17. Там же. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.193.

18. Там же. Л.254–261; Ф.1198. Оп.1. Д.244. Л.1–5 (только перечень людей, отписанных на посад).
19. Там же. Ф.281. Оп.3. Д.642. Л.7.
20. Там же. Д.633.
21. Там же. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.193, 200.
22. Боровск. С.5. Родственные отношения между этими людьми указаны в писцовой книге 1629–1630 гг.: Там же. С.202.
23. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып.6. С.249–250.
24. См.: Королёв Г.И. Имена и фамилии посадских людей Боровска в XVII в. (нах. в печ.).

БОРОВСКИЕ ПОЛЕЖАЕВЫ В XVII-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

У становление родового, семейного и персонального состава населения я понимаю как начальную стадию всестороннего изучения посадских людей того или иного конкретного города. В настоящей статье описывается ранняя история одного из старейших родов г. Боровска. Хронологические рамки работы определяются самым ранним выявленным известием о роде и записями в ревизской сказке по Боровску 1744 г. Обозначенный период охватывает более 100 лет и достаточен для наблюдений генеалогического и демографического порядка.

В 1614 г. Троице-Сергиев монастырь просил об отводе ему места в Боровске для устройства двора для своих приезжих старцев, служек и крестьян. В ответ на челобитную указными грамотами боровскому воеводе от 1614 и 1615 гг. власть распорядилась предоставить под монастырский двор посадское «порозжее дворовое место» на левой стороне Протвы близ Московской дороги (1). В грамотах говорилось об одном дворе. В дозорной же книге 1621 г. зафиксирована целая слобода в 5 «осадных дворов» Троице-Сергиева монастыря. В документе записано, что отвод места производился в 7124 (1616) г. (2). Распоряжение о пяти дворах, помимо монастырского, неизвестно. Слобода располагалась на посадской земле в местности, именуемой Бордаковской, и называлась Троицкой.

Документ 1621 г. не перечисляет обитателей слободы. Их список содержится в писцовой книге 1625 г. Согласно источнику, слобода состояла из монастырского двора с жившими в нём дворниками и 7 дворов «бобылишек безпашенных» (3). В числе этих бобылей были Аким («Якимко») и Павел («Панко») Васильевы, в писцовой книге монастырских вотчин 1629—1630 гг. записанные братьями (4). Собственный двор имел и сын Акима Григорий.

В 1625 г. в слободе жил ещё один бобыль по отчеству

Васильев — Григорий Станосников, собственного двора не имевший (5). Возможно, это был брат Акима и Павла, но по единственному упоминанию отношение данного человека к ним установить нельзя. Имя Василий не было редким, и образованные от него отчества не всегда свидетельствуют о родстве даже соседей.

Происхождение братьев Васильевых неизвестно. Их могли перевести в Боровск из другой вотчины Троице-Сергиева монастыря, они могли поступить в монастырские бобыли, по своей воле придя в город из некоего другого места, но могли быть боровичами.

Именованье бобылей беспашенными означает, что полководством они не занимались. Поблизости не было нужной для этого земли. Единственное известие об их занятиях содержится в росписи торговых точек и кузниц, включённой в писцовую книгу 1625 г. Известие касается Акима Васильева как владельца кузницы на торговой площади Боровска. Акиму был установлен оброк в 3 алтына 4 деньги в год. Другие 5 кузнецов должны были платить от 4 денег до 3 алтын (6). Величина оброка Акима свидетельствует о большей ценности его заведения и, надо полагать, производственной деятельности по сравнению с заведениями других кузнецов. Самый же крупный оброк, назначенный одному торговцу, равнялся 8 алтынам 4 деньгам. Было, правда, одно лавочное место, то есть не действовавшая лавка, за 10 алтын. Большие, чем у Акима, оброки были у 6 человек. Всего же в роспись было внесено 77 заведений.

В переписной книге 1646 г. в Бордаковской слободе, что «наперед де сего была Троецкого Сергиева монастыря», все жители записаны посадскими людьми. Источник прямо указывает на упразднение монастырской слободы, но даты события не называет. Такой датой является 1645 г., когда проводился очередной «сыск» закладчиков и беглых для возвращения их на посады. Заодно в посадские переводили и тех подвластных монастырям, церквям и частным лицам людей, которые жили на посадской земле, не будучи закладчиками или беглыми (7). О проведении сыска в Боровске в 1645 г. свидетельствует упоминание о переводе в посадские люди 2 бобылей

Матвея Синявина (8). За монастырём был оставлен двор для приездов, все бобыльские дворы стали посадскими.

Посадским человеком записан и Павел Васильев, названный к 1646 г. Полежаевым (9). Возможно, «Полежаев» было унаследованным прозвищем. В таком случае Полежаев («любителем полежать в свободное от работы время», вероятно) был

не зафиксированный выявленными источниками отец Павла Васильева. Как бы то ни было, в дальнейшем слово «Полежаев» употребляется вполне определённо как родовое имя. Заметим, что Полежаевым назван Павел Васильев. Сыновья Аким, Гаврила и Ферапонт, владевшие одним двором совместно, написаны только с отчеством.

В 1646 г. сыновья Акима жили через двор от их дяди П.В. Полежаева с его сыновьями Анисимом, Прокофием и Павлом. За 20 лет состав рода изменился. Не было одного представителя первого известного поколения Акима и его сына Григория. Соответственно количество дворов рода уменьшилось с 3 до 2.

Прошло ещё 30 лет. Как показывает переписная книга 1677 г., Полежаевы по-прежнему жили в той же части города, что и в 1620-е годы, но называвшейся теперь Коншиной слободой. Три двора принадлежали Павловичам — Анисиму, Павлу и вдове с детьми Прокофия. Четвёртый двор был записан за вдовой Ферапонта Акимова. Эта вдова названа так: «Аксинья Иванова дочь Ферапонтовская жена Третьякова» (10). Согласно сей записи, Ферапонт был третьим сыном Акима («Третьяком»). Судя по отчеству, вдова Прокофия Марья Аникеева могла быть дочерью Никона (Аникона) Евсеева Бордакова, сыновья которого, предполагаемые братья вдовы, жили в той же слободе (11). Позднее потомки Ферапонта писались Третьяковыми, которых не следует путать с однофамильцами — посадскими людьми, известными

с 1621 г. Ответившихся от Полежаевых Третьяковых я далее не учитываю (12).

После 1677 г. до 1695 г. включительно источники образуют весьма плотную группу (2 росписных списка 1680 г., списки 1682, 1684, 1685, 1686, 1687, 1688, 1691, 1692, 1694, 1695 гг., писцовая книга 1685 г.). Это позволяет провести довольно полное выявление членов рода, конечно, лишь мужского пола. Начиная с 1677 г. в документах указывают возраст детей. Недостаток росписных списков — отсутствие обозначений частей города. Особенно ценна писцовая книга 1685 г., показывающая занятия и величину тягла. Сведения о дворах сопоставлены с данными 1625 г.

Писцовая книга различает Коншину и Троицкую («Бордаковскую тож») слободы. В Коншиной слободе стоял двор Анисима Павлова Полежаева. Источником доходов Анисима было выращивание на продажу лука и чеснока. Это было единственное учтённое занятие многих боровичей. Показателем благосостояния и принадлежности к тому или иному слою посадских людей является величина «тягла и всяких податей» с дворов, имущества, промыслов и торговли. Источник указывает две суммы сборов — «в казну» и «в мирские розметы в земскую избу на всякие расходы». На этой основе определялась статейность дворовладельца. Соответственно Анисим Павлов должен был платить 2 рубля и 1,5 рубля (13). Общая сумма был не из крупнейших, меньше платили многие. Сын Анисима Абросим в 1685 г. имел кожевенный двор в Мельничной слободе, в 1648 г. переданной от Пафнутьева монастыря посаду. Время создания кожевни неизвестно. Хотя писцовая книга числит Абросима «в отделе» и членов его семьи называет по Мельничной слободе, другие источники по 1688 г. указывают его как жителя отчего двора. Налоги на Абросима составляли 2 рубля 2 гривны и 2 рубля. Лук и чеснок для него были только подспорьем (14).

В XVII в. размер тягла отражал, как сказано, принадлежность посадского человека к «статье». Источники содержат очень мало сведений для суждений о статейности. В писцовой книге 1685 г. есть лишь одно указание статьи — для человека, растившего солод, гнавшего дёготь и торговавшего в лавке дёг-

тем и колачами (белым хлебом). «По пожитку» это был человек первой статьи. Он должен был платить 40 алтын (1 руб. 7 алтын) и 2 рубля 8 алтын 2 деньги (15). Сумма Абросима была больше и, следовательно, его нужно отнести к первостатейными. Общая сумма Анисима была на 1,5 алтына больше опорной для исчисления суммы. Так что и Анисима, видимо, следует считать первостатейным (16).

В Троицкой слободе соседними дворами жили вдова Прокофия Павлова и Павел Павлов Полежаевы, занятием которых названы выращивание и продажа лука и чеснока. Им полагалось платить 40 и 40 алтын (Павлу) и 1 рубль и 1 рубль (вдове) (17).

В последние десятилетия XVII в. Полежаевы стали поселяться и за пределами Бордаковской местности. Выше отмечено заведение кожевенного двора в Мельничной слободе. Росписные списки учитывали владельца кожевни только вместе с отцом, а с 1691 г. — как владельца отцовского двора, из которого выделился брат Изот (18). В 1694—1695 гг. на Семёновской улице на юго-западе Боровска в качестве зятя Никиты Иванова Попова (Муромцева) появляется Иван Абросимов меньшей (19). Он отмечен и в 1709 г. уже как самостоятельный хозяин вместо умершего к тому времени тестя (20).

Последними по времени упоминания в источниках представителями второго поколения Полежаевых были Анисим (по 1688 г.) и Павел (по 1695 г.) Павловы (21). Из третьего поколения последний раз в 1695 г. отмечены Абросим и Изот Анисимовы, Матвей и Пётр Павловы. Антон и Ларион Прокофьевы (22), а в 1709 г. — Артём, Илья и Фёдор Павловы (23). Артём был жив и в 1723 г. (24).

По ревизской сказке 1719 г. и переписной книге 1723 г. большинство Полежаевых по-прежнему жило в Троицкой слободе, или, как в XVIII в. писали, Троицком приходе, больше не выделяя Коншину слободу. Акинфий Абросимов передал свой двор двоюродным братьям Якову и Ивану Зотовым, а сам, по данным 1723 г., жил во дворе Ивана Абросимова. В Ивановом дворе был записан и прибывший в 1722 г. из Рославля племянник Василий Ильин 16 лет (25). В 1709 г. Илья Павлов с сыном ещё находились в Боровске (26). В 1719 г. их уже не

было в городе. В сентябре 1725 г. боровский бургомистр подал прошение о записи на посад вернувшегося из Рославля другого сына Ильи — Парфения, 11 лет. В документе написано, что умерший Илья Павлов ушёл в Рославль «лет 15 и болши» (27), то есть примерно в 1710—1711 гг. Слова «лет 15 и болши» приблизительны. Бургомистр и о Василии Ильине пишет, что тот вернулся в 1723 г. Переписная книга от мая 1723 г., скорее всего, точнее, поскольку она ближе к дате события. В ревизской сказке от октября 1744 г. Парфения нет, а Василий Ильин, достигший 37 лет, жил во дворе Артемия Павлова, который, однако, как и его сын Борис, числились уже умершими (28).

В росписном списке 1709 г. в Троицком приходе записаны рядом стоявшие дворы Ивана и Андрея Абросимовых (29). В ревизской книге 1719 г. вдова Андрея «прописана» в Никольском приходе у площади (30). Рядом был двор Ивана Абросимова, которому насчитали 61 год от роду. Его сын Тимофей жил отдельным двором в том же приходе. Переселение части Полежаевых на правую сторону Протвы состоялось между 1709 и 1719 гг.

В 1723 г. в Никольском приходе были дворы Ивана Абросимова и Василия Андреева с 4 братьями 10—18 лет (31). Тимофей же в этом году записан без собственного хозяйства во дворе И.А. Усачёва (32). Статус Тимофея не указан. По-видимому, он оставался в своём дворе, который передал другому лицу, в качестве захребетника («соседа»). Последовательность описания дворов в 1719 и 1723 гг. одна и та же. Так что говорить о перемещении Тимофея не приходится. По ревизской сказке 1744 г. Тимофей Иванов в 1741 г. отбыл из Боровска «безвестно» (33). Его отец, которому в 1723 г. было 64 года, к 1744 г. умер. Василий Андреев на некоторое время уходил из города тоже «безвестно», но, судя по помете на поле документа, сделанной, вероятно, после 1744 г., вернулся. В 1744 г. в его дворе жили 3 брата, записанные в 1723 г. (Борис, Тимофей и Евментий), а одного (Гаврилы) уже не было в живых (34). В 1763 г. эти 3 брата жили собственными дворами отдельно от Василия Андреева (35).

Из источников первой половины XVIII в. лишь один содержит данные об обложении посадских людей, да и то толь-

ко об одном виде чрезвычайного сбора — десятой деньге. Налог брали с имущества и торговли. Наиболее крупная для Полежаевых сумма «денги» (18 алтын 2 деньги) была установлена для Сидора Абросимова, а вторая по величине (13 алтын 2 деньга) — Ивану Абросимову младшему с братьями. Остальные Полежаевы должны были платить значительно меньшие суммы: 6 алтын 4 деньга (Иван Зотов), 5 алтын (Яков Зотов с братьями), 4 алтына 1 деньгу (Иван Абросимов старший), 3 алтына 2 деньга (Василий Андреев с братьями, Артём Павлов (36).

Неизвестно, с каких именно «животов и промыслов» конкретных людей брали десятую деньгу, поскольку источники занятий не показывают.

Самой крупной была сумма в 31 алтын 4 деньга, установленная для одного боровича (37). Исходя из того, что один из ратманов 1723 г. платил 13 алтын 2 деньга, а выбирать в бургомистры и ратманы надлежало людей первостатейных, братьев Сидора и Ивана младшего Абросимовых следует отнести к верхнему слою посадских людей Боровска. Предположительно, братья сохранили уровень благосостояния, достигнутый к 1685 г. их отцом, заведшим кожевенное дело. Иван Абросимов (несомненно младший) в 1723—1724 гг. пребывал в кабацких бурмистрах (38). Остальные члены рода занимали более скромное социальное положение. Старший в роду Иван Абросимов из Никольского прихода был даже записан нищим.

Впрочем, его десятая деньга была больше «денег» Василия Андреева и Артёма Павлова, в нищие не записанных. Видимо, дело было в несколько большей ценности имущества Ивана Абросимова. Эти трое Полежаевых платили больше, нежели те боровичи, которым назначили налоги в пределах от 10 денег до 1 алтына.

Братья Аким и Павел Васильевы составляли первое известное поколение. Последним из рассмотренных поколений было то, к которому принадлежали лица, впервые записанные в 1719 г. Это было шестое колено. Из фактов конца XVII—начала XVIII вв. обращает на себя внимание прекращение информации о 9 Полежаевых в 1695 г. К этому году относится и единственное упоминание о трёхлетнем тогда Фоме Петрове.

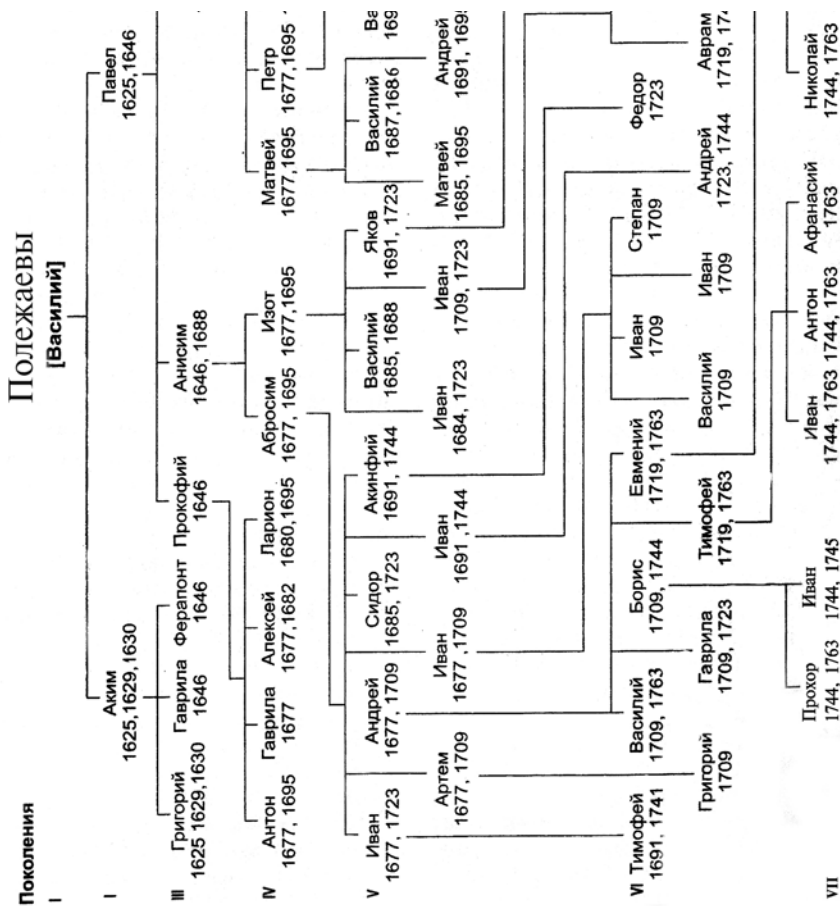
В 1695 г. последний раз упоминается Павел Павлов (второе поколение), впервые записанный с отцом в 1646 г. В 1709 г. самостоятельными дворовладельцами были уже его сыновья. Из остальных, в последний раз упомянутых в 1695 г., старшим был Абросим Анисимов, которому, если верить источнику, в 1680 г. было 30 лет (39). Из-за нехватки источников некоторые члены рода, несомненно, не попали в поле моего зрения. По количеству установленных родовичей Полежаевы относились к наиболее многочисленным посадским родам Боровска. Осталось неизвестным происхождение Полежаевых, то есть то, кем они были до 1625 г. Отличительной чертой истории рода является расселение его членов за пределы первоначальной части города (Троицкой слободы). Большинство боровских родов на протяжении того же периода жило в одной и той же местности (40). Всё же большинство Полежаевых было привязано к месту своего первоначального поселения. Причины и обстоятельства расселения Полежаевых неизвестны. Только об Абросиме Анисимове можно сказать, что участок в Мельничной слободе он освоил под кожевенный двор.

Примечания к таблице

В таблицу не включены Г.В. Станошников (документ 1625 г.) и Семён и Прокофий Пановы (документ 1629/30 гг.), а также потомки Ферапонта Третьяковы. Не включены вдовы разных лет и записанные лишь в 1719 г. жёны и дочери, перечисляемые ниже.

Вдовы: Акси́нья Иванова (ж. Ферапонта, 1677), Ма́рья Аникеева (ж. Прокофия Павлова, 1677, 1685), Ма́рья Степанова (ж. Павла Павлова, 1719), Акси́нья Федотова (ж. Андрея Абросимова, 1719).

Жёны (при живых мужьях): Да́рья Иванова (ж. Артёма Павлова), Ири́на Козмина (ж. Ивана Абросимова ст.), Ксе́ния Вахромеева (ж. Сидора Абросимова), Праско́вья (без отчества, ж. Ивана Абросимова мл.), Ма́рфа Трефилова (ж. Акинфия Абросимова), Ага́фья Артемьева (ж. Ивана Зотова), Ма́рья Логинова (ж. Якова Зотова), Уля́на Петрова (ж. Ивана Зотова мл.), Авдо́тья Лаврентьева (ж. Бориса Артемьева), Уля́на Васильева (ж. Тимофея Иванова).

Дочери: Улита Зотова, Марфа (дочь Ивана Абросимова ст.), Агрипена (дочь Андрея Абросимова), Анна, Анисья, Мавра и Дарья (дочери Ивана Абросимова мл.), Ксения, Василиса и Прасковья Акинфиевы, Варвара и Татьяна (дочери Ивана Зотова ст.), Анна (дочь Ивана Зотова мл.), Устинья, Домна, Акулина и Василиса (дочери Тимофея Иванова).

Не учтены сведения источника 1744 г. об умерших в этом году лицах, бывших в живых в 1723 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.281. Оп 5. Д.610, 611.

2. Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С.5. (Далее — Боровск).

3. Там же. С.11.

4. Там же. С.11, 203.

5. Там же. С.11. В 1629—1630 гг. в Троицкой слободе был записан двор Семёна и Прокофия Пановых. Судя по отчеству, это могли быть сыновья Павла Васильева, но уверенности в этом нет. В слободе жил ещё один Павел («Панка») — Елизаров, позднее записанный Брагиным, Бражниковым. Поэтому отождествить Прокофия Панова с Прокофием Павловым Полежаевым из документа 1646 г. и документа 1677 г., где записана вдова П.П. Полежаева, затруднительно.

6. Боровск. С.13.

7. О сысках 1638—1645 гг. без сведений по Боровску см.: Шаховская Н. Сыск посадских тяглецов и закладчиков первой половины XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. №10. С.250—322.

8. Боровск. С.44.

9. Там же. С.15.

10. Там же. С.21.

11. Там же. С.22.

12. В 1723 г. жившие в Троицком приходе внуки Ферапонта записаны по-разному — Третьяковыми и Косаткиными. См.: Там же. С.159.

13. Там же. С.69.

14. Там же. С.66.

15. Там же. С.38.

16. Некоторые соображения о разделении на статьи в конкретных воровских условиях см.: Королёв Г.И. Посадская верхушка г. Боровска XVII—первой половины XVIII века: К вопросу о критериях определения социального слоя // Социально-политическая история России: Пробле-

мы изучения и преподавания: Материалы региональной научно-практической конференции 31 марта—1 апреля 2004 года, Тверь. Тверь, 2004. С.95—103.

17. Боровск. С.85.
18. РГАДА. Ф.210. Оп.7а. Д.20. Л.188об.
19. Там же. Л.224об.; Боровск. С.117.
20. Боровск. С.125.
21. РГАДА. Ф.210. Оп.7а. Д.20. Л.153об.; Боровск. С.120.
22. Боровск. С.118, 120.
23. Там же. С.159.
24. Там же.
25. Там же. С.125.
27. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.422. Л.246.
28. Там же. Ф.905. Оп.1. Д.37. Л.116.
29. Боровск. С.125.
30. Там же. С.129.
31. Там же. С.146.
32. Там же.
33. РГАДА. Ф.905. Оп.1. Д.37. Л.82об.
34. Там же. Л.83.
35. Боровск. С.168.
36. Там же. С.146, 158—159.
37. Там же. С.159. По вопросу о дифференциации по десятой деньге см.: Королёв Г.И. Указ. соч. С.100.
38. РГАДА. Ф.465. Оп.1. Д.2. Л.301, 313об., 372.
39. Указания возрастов, делавшиеся по памяти, весьма приблизительны. Например, Лариону Прокофьеву в 1681 г. записали 7 лет, в 1682 г. — 10, 1684 г. — 14, 1685 г. (две записи) — 18 и 15 лет, в 1686 — 15; Артёму Павлову в 1677 и 1682 гг. насчитали одинаково — по 7 лет, в 1684 г. — 9, в 1685 г. — 10 лет. Для установления годов рождения надёжны лишь те записи, в которых возраст указан в неделях, в полгода, год-два, может быть три.
40. Королёв Г.И. Генеалогическая топография Боровского посада XVII—первой четверти XVIII вв. // Боровск: Страницы истории. Вып.2. Боровск, 2000. С.9—21.

**ПОСАДСКАЯ ВЕРХУШКА Г. БОРОВСКА
XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:
К вопросу о критериях определения социального слоя**

К недостаточно изучаемым аспектам истории относится социальная структура посадского населения. В трудах советских историков по истории посада обычно использовались различные классифицирующие термины: «торговые люди», «молодшие люди», «верхушка», «низы» и др. (1). Между тем опыты разграничения между посадскими людьми предпринимались историками ещё в XIX в. А.С. Лаппо-Данилевский делил посадских по формам налогообложения на «собственно посадских людей», тянувших тягло, и «посадских бобылей» («беднейшее налогоспособное население»), плативших оброк, а также на группы по имущественному положению (2). В книге А.А. Кизеветтера в главе «Состав посадских общин» рассмотрены важнейшие признаки деления посадских людей на статьи и гильдии и высказано мнение, что разделение проводилось соответственно условиям, существовавшим в каждом отдельном посаде (3).

В настоящей статье делается попытка установить признаки верхушки посадского населения применительно к одному городу — Боровску. Отсутствие источников о посадских людях до XVII в. ограничивает хронологические рамки исследования.

К неперенным задачам изучения вопроса относится установление критериев, которыми руководствовались в XVII—XVIII вв. Судебник 1550 г. различал гостей, торговых и посадских «средних» и «молодчих» людей (4). Статья 72 предписывала учитывать их «животы и промыслы» (5). В судебнике 1589 г. говорится о «больших», «средних» и «меньших» гостях и торговых посадских (6). Соборное уложение 1649 г. делило горожан на именитых людей Строгановых, гостей, членов Гостиной и Суконной сотен, Казённой слободы и посадских тяглых людей чёрных сотен и слобод. Члены сотен и слобод делились на «большую статью» («лутчих людей»), «среднюю» и меньшую статьи (7). В источниках и литературе статьи называют также

первой, второй и третьей. О неравенстве групп горожан свидетельствует различие в суммах штрафов за бесчестие. Более конкретных, чем по «животам и промыслам», правил развёрстки по статьям источники не называют. Регламентом Главного магистрата в 1721 г. было введено деление «гражданства» на 2 гильдии. К «первой гильдии, или первостатейным» были отнесены банкиры, «знатные купцы», ведшие торговлю в отъезде, или торговцы «разными многими товарами в рядах» и люди ряда других занятий. Ко второй гильдии — торговцы «мелочными товарами и харчевыми всякими припасы». Вне «гражданства» находились работники по найму и занятые «в черных работах» (8). Несколько позднее стали различать 3 гильдии «по пожиткам», а гостей и членов Гостиной сотни стали писать не отдельно, но «по богатству» в одном ряду «с прочими посадскими» (9). Старое именование по статьям продолжало употребляться.

Основными источниками о боровских посадских людях являются разного рода переписные документы. Занимаясь источниками по многим городам, Лаппо-Данилевский отметил, что они редко показывают деление посадских по категориям (10). Это наблюдение вполне относится и к источникам по Боровску. Старейший источник — дозорная книга 1621 г. Более ранние сведения касаются отдельных боровичей и за пределы Смутного времени не выходят. Если бы источники называли статейность, то оставалось бы сгруппировать людей и заниматься деталями, характеризующими состав изучаемой группы. Однако за несколькими исключениями источники не указывают статьи, и потому принадлежность конкретных лиц к изучаемому слою посадского «мира» приходится устанавливать, лишь опираясь на предписания права, которое всё же даёт общий исходный ориентир по выявлению реалий и требует исходить из имущественного положения («животов и промыслов») горожан.

Дело осложняется тем, что о материальном положении боровичей сообщают только некоторые источники и притом не в той полноте, какая необходима историку. Согласно итоговой записи в писцовой книге 1625 г. на посаде было 8 «средних», 40 «охудалых» и 7 «вдовьих дворов» (11). Это единственная общая характеристика-классификация боровских посадских людей в источниках. Писцовая книга описывает город вскоре после

окончания Смутного времени, в период которого Боровск сильно пострадал (12). Неудивительно, что первостатейных не было совсем, а «средних» — всего несколько человек. Возникает вопрос, кого следует и следует ли вообще в таком и подобных случаях причислять к верхушке посада. Материал 1625 г. показывает по меньшей мере относительность критериев определения социальных слоёв, их обусловленность реальным состоянием посадского сообщества в тот или иной период. Среди «средних» и «охудалых» могли быть те, кто до «литовского разорения» был в «лутчих». Сохранили ли такие люди свой общественный вес? На такой вопрос источники ответа не дают.

Писцовая книга 1625 г. включает перечень лавок и кузниц с указанием установленных для них оброков. Занятия и виды производившихся и продававшихся товаров названы в росписях монастырских крестьян, переводившихся на посад в 1649—1652 гг. (13). Писцовая книга 1685 г. даёт сведения о занятиях дворовладельцев и реже членов их семей, о видах продукции и товаров, величинах сборов, устанавливавшихся для каждого дворовладельца. Это самый обстоятельный из переписных источников по Боровску XVII в.

Ю.А. Тихонов, занимавшийся новгородскими источниками, полагал, что об удовлетворительном положении людей говорит указание их профессий, а плохое обычно оценивается соответственно реалиям (14). В источниках по Боровску слабое материальное положение обозначают записи «нищей», «кормитца Христовым именем», «скитаецца меж двор». В 1646 г. было записано 6 дворовладельцев с такими характеристиками, в 1677 г. — один (15). Количество лиц, записанных нищими, резко возросло во время Северной войны. После её окончания, в 1723 г., таких людей было 60 из 359, то есть шестая часть (16). Очевидно, что люди с таким статусом к верхушке не принадлежали.

Согласно писцовой книге 1685 г. единственным источником доходов для многих горожан был огород («что упашет в огороде своем луку да чесноку да продаст, тем и кормитца»). Другую группу образуют люди, работавшие по найму или занятые «черной работой», характер которой источники не объясняют. Как правило, их материальное положение оценивалось неболь-

шими суммами выплат в казну и на мирские нужды. Крупные суммы не зафиксированы вообще.

Суммы сборов являются важными показателями материального положения. В 1625 г. были записаны только оброки с торговых точек и кузниц, в 1685 г. — платы в казну и «мирские розметы» со всего имущества и дохода, в 1723 г. — десятая деньга. Эти три источника сообщают информацию, разделённую значительными промежутками времени, отражают не одномоментные состояния (на отдельные годы), а состояние в некоторые периоды жизни и деятельности конкретных людей и посада в целом.

В 1625 г., когда первостатейных не было, наивысший оброк в 10 алтын (алт.) был назначен одному человеку — Ф.С. Семенникову, владевшему лавочным местом (17). С одной лавки двух владельцев надлежало платить 4 алт., с четырёх лавок и скамей — по 3 алт. 2 деньги (ден.), с семи лавок и одной кузницы — от 2 алт. 3 ден. до 3 алт. Остальные торговцы и кузнецы платили от 4 ден. до 2 алт. (18). С.Д. Волокитину были установлены трёхалтынные оброки с лавки и кузницы, то есть вместе он должен был платить 6 алт. С учётом Волокитина и одного совладельчества группа плательщиков от 3 алт. 2 ден. до 10 алт. составила из восьми человек. Видимо, это были те восемь «середних», которые упомянуты в итоговой записи документа. Всего же посадским людям в 1625 г. принадлежали 35 из 71 торговой точки и 3 из 6 кузниц.

Писцовая книга 1685 г. фиксирует размеры сборов с промыслов, «животов» и дворов в казну и земскую избу по «мирским розметам». Для конкретных людей соотношения между двумя видами платежей различны. Иногда это были равные доли, чаще неодинаковые. Заметно, что сбор в казну с купцов чаще всего был больше «мирских розметов». Обратное соотношение преобладало в группе ремесленников и «огородников». Например, А.Д. Гуляев, который выращивал лук и чеснок и имел два пустых лавочных места, должен был платить в казну 30 алт. (мнее рубля), а с земли в земскую избу — 2 руб. (19).

С производства солода и дёгтя, торговли дёгтем и «колачами» (белым хлебом) и с двора С.С. Матренин с Успенской улицы должен был платить в казну и земскую избу соответственно

40 алт. и 2 руб. 8 алт. 2 ден. Уровень его благосостояния был оценён словами «а пожитком он первые статьи» (20). Это единственное указание статейности. Его общая сумма налога («оклада») в 3 руб. 15 алт. является наименьшим точным показателем первостатейности. Высшая сумма была установлена для братьев Ф. и П. Морозовых, совместно занимавшихся кожевенной и хлебной торговлей и приготовлением солода, — она была равна 8 руб. (5 и 3 руб.) (21). Если за высшие суммарные оклады принять 3 с лишним рубля, то в группе крупнейших плательщиков окажутся 28 человек. В группу плательщиков от более одного рубля до трёх руб. входили 77 человек. Плательщиками от 6 алт. 4 ден. до 1 руб. были 116 дворовладельцев. 6 человек были освобождены от тягла «по скудости», малолетству или строительству дома, а для 10 человек сведений об отношении к тяглу нет. Установленные нами грани особенно между средним и низшим слоями приблизительны, но различия между посадскими людьми они обозначают. Более всего заметно различие между 28 крупнейшими плательщиками и 100 человеками, платившими менее рубля.

При определении материального положения следует учитывать и другие данные, помимо данных о податях. В источниках имеются сведения о боровских откупщиках. Самые ранние сведения относятся к 1612—1614 гг. Среди первых известных откупщиков — И. Шукин, получивший на откуп кабак с обязанностью выплатить казне 105 руб. 8 алт. 2 ден. Эту сумму он выплатил 20 августа 1614 г., то есть за 3 месяца до истечения годового срока (22). Его предшественник А. Киркин брал откуп с оброком в 100 руб. К сожалению, выручка, оставшаяся за этими людьми после расчёта с казной, неизвестна. Гораздо мельче был откуп П.Е. Бражникова на торговлю «сенной трухой, золой и дегтем» с обязательством платить в казну 4 руб. 4 алт. полденьги (24). В первой трети XVIII в. откупным делом активно занимался Ф.К. Девятов, он брал в оброк монастырскую мельницу на Протве близ города и винные подряды, в том числе для доставок за пределами Боровска (25). За откупа мог взяться не всякий, так как желающий должен был иметь некоторое состояние, чтобы гарантировать выполнение обязательств перед казной и получить доход для себя. Откупщик должен был пользоваться некоторым доверием, поскольку был обязан представить

поручителей. О серьёзности поручительства свидетельствует реестр «колодников», содержащихся при воеводской канцелярии в 1733 г. Среди арестованных были А.И. Козлов, не поставивший вино в Звенигородский уезд, и его поручители (26).

В петровское время боровичи приобщились к фабрично-заводской деятельности, масштаб которой тоже является признаком принадлежности к верхнему слою. Например, братья Копырины, жившие на левой стороне Протвы, имели в городе 4 ручных горна для выплавки чугуна, а в 1728 г. открыли чугуноплавильный завод у д. Ермолиной в Боровском уезде. В 1730 г. они получили право на организацию ещё одного такого предприятия (27).

Учёту подлежат и такие факты, как владение крепостными и держание наёмных работников. Например, М.А. Меньшов купил крепостного ещё в бытность крестьянином Пафнутьева монастыря (28). Отдельные случаи владения крепостными выявлены в материале XVIII в. Так, в 1723 г. А.И. Рудаков 27 лет от роду купил крепостного, а Г.И. Пашутин сообщил, что живший в его доме человек «швецкой нации» был куплен им в неуказанный год у донских казаков (29).

Определённый уровень материального достатка открывал путь к занятию выборных должностей, поэтому выявлению верхушки посада мог бы послужить список земских старост, бургомистров и других выборных XVII—первой половины XVIII вв. Такой список свидетельствовал бы о материальном положении людей, коль скоро право требовало избирать состоятельных. Список показал бы устойчивость и переменность состава верхушки посада, представленные в ней роды и семьи. Пока о таком списке говорить не приходится, да и едва ли его составление вообще возможно. Однако и по той выборке информации, которую образует собранный материал, судить о явлениях можно.

Не всякую службу по выбору возлагали непременно на первостатейных. В указах XVII в. по раскладке и сбору податей давались предписания о поручении этого дела «лутчим» посадским «из средних и из молодчих», «из первой и из средней и из меньшей статей», «из меньшей статьи молодчих людей» и т.д. (30). Те же правила действовали и во второй половине XVIII в. Например, по указу 1731 г. в целовальники и таможенные и кабац-

кие счётчики надлежало выбирать «из средних и последних» (31). Следовательно, первостатейные были освобождены от ряда служб невысокого уровня. Историки XIX—начала XX в. считали, что посадские воспринимали выборные должности как нелёгкую повинность (32). Находили, что таким было отношение и к временным службам, например участию в земских соборах, на которые старались дослать людей из «наиболее состоятельных», не явившихся на выборы (33). Неизвестно, как был выбран на земский собор 1649 г. Лумпей («Тренька») Пастухов (34). Состоятельным этот человек, видимо, был. Во всяком случае, ещё в 1625 г. он мог заказать литьё одного из двух колоколов для приходской церкви (35). Не каждый горожанин мог сделать такой крупный вклад.

Материальное положение всех установленных выборных было не низким. Например, из владельцев лавок, в 1625 г. плативших крупный оброк, М.И. Кутавин и И.М. Мякотин позднее, на рубеже 1640—1650-х годов, ходили в старостах (36). В 1723 г. крупнейший оклад по десятой деньге был назначен В.М. Глухову из Троицкого прихода в размере 31 алт. 4 ден. (37). 13 человек платили 20 и более алт., 52 человека — от 1 алт. 4 ден. до 19 алт. 1 ден. Среди плательщиков 1723 г. были такие, кто в разные годы занимал выборные должности в ратуше, при таможенном, кабацком и соляном деле. Ратман 1723 г. П.Д. Сергеев платил 13 алт. 2 ден. Поскольку в ратуше (потом магистрате) заседали первостатейные, то названный оклад можно принять за низший установленный для данного времени показатель принадлежности к верхнему слою посадского общества. Всякого рода головы и бурмистры, сидевшие на должностях в 1708—1733 гг., в 1723 г. платили по окладу Сергеева (М. Скрыпов, Е.В. Шестов) или более — 15-25 алт. (С.С. Молчанов, Л.Р. Большаков, Н. Волокитин, В.И. Второв, К. Муромцев, Г. Волокитин, Л.М. Рудаков, Е.Д. Большаков, Ф. Санин, Л. Усачев) (38). Что касается бургомистров и ратманов, то об их первостатейности писал боровский магистрат в доношениях Главному магистрату (39).

Некоторые социальные возможности открывало владение грамотой. Правда, в источниках XVII в. требований грамотности не обнаружено. Судя по подписям под документами, среди

выборных людей бывали и грамотные, и неграмотные. Образовательный ценз появляется в XVIII в. Так, в 1750 г. Главный магистрат указывал, что новым боровским бургомистром надо выбрать «человека пожиточного, к тому делу достойного, грамоте и писать знающего и не подозрительного». В доношении о выборах боровский магистрат уверял, что выбран «человек доброй и пожиточной, грамоте и писать умеющей» (40).

Выборные образовывали группу в составе посадской верхушки, заслуживающую специального изучения. В числе выявленных земских старост XVII в. имеются представители старейших боровских родов — Шукиных, Ширяевых, Мякотиных, Розининых, Кутавиных, Стрельцовых, Алешиных, Третьяковых, а также известных с середины века Большаковых (41). Изучение состава верхнего слоя связано с исследованием социальной эволюции посадских родов и их членов (42). В 1625 г. Т.А. Стрельцов платил 9 ден. с полулавки и явно не относился к верхнему слою, состоявшему тогда из «средних». В 1649 г. он был в числе руководителей посада, на которых жаловался Пафнутьев монастырь (43). Это случай изменения социального положения, отражающий изменение положения имущественного. В качестве примера эволюции рода приведу род Рудаковых. В источниках они появляются в 1646 г. как нищие (44). В XVIII в. их потомки занимали иное общественное положение. Л.М. Рудаков был бурмистром по крайней мере в 1722 г., его сын в 1744 г. тоже стал бурмистром, но вскоре был выбран ратманом и в документах именовался первостатейным (45). Противоположный случай — судьба Кутавиных, упоминаемых с 1621 г. Первый известный из них Микифор Иванов в 1625 г. держал лавку, с которой должен был платить 3 алт. 2 ден. в год. Более высокая сумма была установлена лишь для 2 торговых точек, такая же — для 3. Более низкие суммы были назначены 25 человекам. В 1719 г. в этом роду оставалась лишь нищая, беззятая вдова с дочерьми и малолетним сыном, со смертью которого в 1723 г. род прекратился в явной бедности (46).

О степени устойчивости родового состава верхней группы посадских можно судить до данным о плательщиках более 3 руб. в 1685 г. и 13 алт. 2 ден. и более в 1723 г. В 1685 г. в группе были представлены Аниконовы, Беляевы, Большаковы, Второ-

вы, Девятовы, Дешины, Ирошниковы, Киркины, Копырины (с левобережья Протвы), Матренины, Мерзляковы (Богомолы), Молчановы, Морозовы, Муромцевы, Мякотины, Пашутины, Полежаевы, Провоторовы, Санины, Слемзины, Третьяковы, Шестовы, Шукины и бесфамильная семья, сведений о которой за другие годы не найдено. Из этих 23 родов в 1723 г. повторяются Беляевы, Богомолы, Большаковы, Второвы, Ирошниковы, Копырины, Молчановы, Морозовы, Муромцевы, Пашутины, Полежаевы, Провоторовы, Санины, Слемзины, Шестовы и Шукины. К верхушке по источникам 1723 г. принадлежали члены ещё 14 старопосадских родов. Представители этих семей были заметными на посаде лицами и в XVII в.

В XVII—первой половине XVIII в. в Боровске было также немало старых родов, члены которых в верхней группе не фигурируют и характеризуются слабым материальным положением: Воробьевы, Заикины, Пешковы, Почечюевы (Чистяковы) и др. Конечно, отсутствие сведений в источниках, содержащих много пробелов, не является непременным показателем не вхождения членов этих родов в верхний слой. Например, нет сведений о принадлежности к этому слою кого-либо из Плишкиных (Плюшкиных). Но вот в московском росписном списке 1638 г. мы видим запись о доме Д. Плишкина (47). Не указывает ли данный факт на довольно высокое материальное и общественное положение названного человека? Едва ли всякий боровитин мог иметь недвижимость в столице. Необходимо также уточнить: высокий социальный статус некоторых членов рода не означает, что прочие сородичи занимали такое же положение.

Принадлежность к изучаемому слою должна определяться по сумме показателей с учётом предписаний права. Так как объём прав каждого слоя общества зависел от имущественного ценза, то задача в большой мере состоит в установлении признаков различий между слоями посадских по сведениям о материальном положении горожан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. например: Смирнов П. Посадские люди и их классовая борьба до середины века. М.; Л., 1947–1948. Т.1-2; Тихонов Ю.А. Соци-

альное расслоение и классовая борьба в Новгороде второй половины XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С.308–318; Чистякова Е.В. О тактике верхушки посада в восстаниях 30-х годов XVII в. (по материалам Соли Вычегодской) // Города феодальной России. С.224–230; Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII в. М.; Л., 1951.

2. Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С.123, 125.

3. Кизеветтер А.А. Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903. С.127–169.

4. Судебники XV–XVI веков М.; Л., 1952. С.148 (ст.26).

5. Там же. С.165.

6. Там же. С.367–368, 382.

7. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарий. Л., 1987. С.37 (Гл.Х, ст.94).

8. Учреждение и регламент, или устав Главного магистрата, по которому оной отправлять имеет.[2-е изд. Б.м., 1743]. С.6 (Гл.7: О разделении гражданства).

9. См указ от 30 июня 1728 г.: ПСЗ-1. СПб., 1830. Т.8. №5300. С.61–62.

10. Лаппо-Данилевский А. Указ. соч. С.124.

11. Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий М., 1888 С.10. (Далее – Боровск).

12. Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т.1. С.172.

13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.85–90, 187–215, 254–268.

14. Тихонов Ю.А. Указ. соч. С.309–310.

15. Переписные книги 1646 и 1677 г. См.: Боровск.

16. Подсчёт произведён по «Росписи города Боровска посадским людем мужеска полу людем» (см.: Боровск).

17. Боровск. С.12.

18. Подсчёт по перечню: Боровск. С.11-13.

19. Боровск. С.43.

20. Там же. С.38.

21. Там же.

22. Русская историческая библиотека М., 1912. Т.28. Стб.17. Названный Шукин – это либо Иван Иванов Шукин, известный по источникам 1621 и 1625 г., либо его отец.

23. О сумме оброка см. там же.

24. Откупщик умер до 6 декабря 1652 г. и его откуп был взят «всею посадом» (РГАДА. Ф.137. Оп.1. Владимир. Д.11. Л.505–507).
25. О его откупных делах см.: РГАДА Ф.465. Оп.1. Д.2. Л.69, 243.
26. Там же. Л.369об.
27. Там же. Ф.235. Оп.4. Д.6556 Л.9–10, 16–30. (В XVII в. в Боровске были и «правобережные» Копырины.).
28. Боровск. С.74–75.
29. Там же. С.153; РГАДА Ф.350. Оп.2. Д.422. Л.166.
30. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1842. Т.5. С.35, 498, 512 (в источниках последней трети XVII в.).
31. ПСЗ-1. №5794. С.508.
32. Такой вывод, иллюстрированный примерами ходатайств об освобождении от обязанностей, см.: Лаппо-Данилевский А. Указ. соч.
33. Шмелев Гр. Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII в. // Сб. статей, посвящённых В.О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879–5 декабря 1909 года) М., 1909. С.496.
34. Соборное уложение. С.409.
35. Боровск. С.6.
36. РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.8, 10, 82, 90, 92, 14, 133, 135, 136, 138.
37. Боровск. С.159.
38. Перечень составлен по списку недоимщиков 1733 г. (РГАДА. Ф.465. Оп.1. Д.2. Л.370–372 об.).
39. См., например, доношение 1744 г. (РГАДА. Ф.291. Оп.1. Ч.1. Д.641. Л.1об.).
40. Там же. Д.4291. Л.3, 6.
41. О родах, живших в Боровске на протяжении 100 лет, см.: Королёв Г.И. Генеалогическая топография боровского посада XVII–первой четверти XVIII вв. // Боровск: Страницы истории. №2. 2000. С.9–21.
42. Соображения и факты по вопросу применительно к купцам см.: Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; он же. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. (Есть отдельные сведения о боровичах).
43. РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.4, 90.
44. Боровск. С.14.
45. РГАДА. Ф.465. Оп.1. Д.2. Л.313, 372; Ф.291. Оп.1. Ч.1. Д.641. Л.1об.
46. Боровск. С.12, 130, 146.
47. Труды Московского отд. имп. Русского военно-исторического общества. М., 1911. Т.1. С.186.

**ГЕНЕАЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
БОРОВСКИХ ПОСАДСКИХ РОДОВ
XVII—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.**

В задачи генеалогии входит или, по крайней мере, должно входить установление условий существования родов. Некоторые стороны бытования родов могут быть исследованы в рамках исторической демографии.

Генеалогия непривилегированных социальных групп изучается, правда, в недостаточной степени, что относится, в частности, к истории посадских родов. Демографическое изучение посадских родов предполагает внимание к составу родов и семей по полу и возрасту, к рождаемости и смертности, продолжительности жизни, брачных возрастов, факторов, влиявших на состояние родов и семей. Я попытаюсь дать демографические характеристики посадским родам Боровска XVII—первой четверти XVIII в., показывая возможности источников. Источники о боровских посадских до XVII в. не сохранились, источники после 1723 г. мало доступны. Оформившийся период достаточен для установления демографических черт. Во внимание принимаются роды, существовавшие на протяжении 100 лет. Выявление таких родов уже проводилось. Источники по генеалогии и демографической истории боровских посадских людей в основном одни и те же — несколько разновидностей переписных книг (Королёв Г.И. Генеалогическая топографии Боровского посада XVII—первой четверти XVIII в. // Боровск: страницы истории. 2000. №2; Он же. Посадские роды Боровска в XVII—XVIII вв. // Историческая генеалогия. 1995 (факт. 2002) Вып.7; он же. Задачи и проблемы изучения родословие посадских людей // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002; он же. Некоторые краеведческо-археографические аспекты генеалогии посадских людей Боровска // Вестник архивиста. 2001. № 4—5). Для генеалога имеют значение и сведения об отдельных родовичах в других источниках. В силу сохранности

и периодичности составления переписные источники в ряде случаев разделены большими промежутками времени. Поэтому пропуски некоторых членов рода неизбежны.

С точки зрения генеалогии и демографии посадских людей, главным недостатком переписных документов XVII в. является отсутствие сведений о женской части родов. Упоминания вдов и зятьёв дают возможность обозначить некоторые места в родословиях, но не имеют значения для демографии. По сведениям о пасынках можно составить некоторое представление о повторных браках. Только материал ревизии 1719 г. содержит данные о всех членах семей. Переписная книга 1723 г. учитывает только мужские души. Возраст источники показывают, начиная с переписной книги 1677 г. О возрасте же в более ранние десятилетия можно судить весьма приблизительно, главным образом, по записям одного человека в более чем одном документе разных лет. Например, братья Степан и Иван Степановы дети Алешины (Олешины) были записаны в 1621 и 1646 гг. как самостоятельные дворовладельцы. Поскольку на собственные дворы дети выходили, как правило, после 20 лет, можно полагать, что братья прожили не менее 50 лет. Определённое устанавливается продолжительность жизни одного из правнуков Степана, которому в 1677 г. было 16 лет, а в 1723 г. — 62 года. Из глав семей 1621 и 1625 гг. в источнике 1677 г. упоминаются очень немногие: Иван Второв (также в декабре 1680 г.) и Андрей Воронков (Андрей Рылов в документе 1621 г.), упоминаемый по 1692 г. В 1620-е годы Иван Пешков жил с родителями, а в 1646 и 1677 гг. был самостоятельным хозяином.

Состав и численность семей определяются по прямым данным источников и иногда дополняются косвенными сведениями. К последним относятся отчества лиц, чьи отцы источниками прямо не названы, а также такие прозвища и бытовые имена, как Вторышка, Третьяк, Девятко и т.п. Полные составы семей показывает, конечно, только источник 1719 г. Документы 1620-х годов отмечают детей лишь в нескольких случаях: в 1621 г. — при 5 вдовах, в 1625 г. — в 17 семьях не только при вдовах. Условно приняв за первое поколение тех, кто был записан в 1620-е годы, можно определить количество колен за 100 лет и численность родов. Например, в роду Беляевых в 5 поколениях было 27 чело-

век м.п., в роду Волокитиных – 6 поколений с 55 человеками. Гуляевых тоже было 6 поколений, но с 16 человеками. Род Саниных насчитывал 41 человека, принадлежавшего к 4 поколениям. Чаще всего встречается род в 5 поколений за век. Таким был и род Шукиных с 69 человеками. Самым малочисленным из рассматриваемой группы родов были Кутавины – 9 мужчин. В 1719 г. в семье были вдова, малолетний сын и 2 дочери. В 1723 г. сын записан умершим. Род прекратился. Определённо прослеживается пресечение рода Мякотиных (12 человек). Четвёртое, последнее, поколение состояло из четырёх сыновей трёх братьев, но двое из них упоминаются только в 1691–1692 гг. в возрасте 2 и 3 лет, а один – в 1709 г. в возрасте 10 лет. К 1723 г. в живых оставался один из четырёх. Он умер без потомства в 1747 г. История Кутавиных и Мякотиных относится к редким случаям, когда пресечение родов устанавливается вполне определённо. Прекращение же сведений необязательно говорит о вымирании родов. Оно может быть обусловлено выездом людей из города.

Важным показателем является смертность до года. Судить об этом можно лишь при записи одновременно о возрасте и о кончине ребенка. Вообще смертность среди малолетних детей можно изучать по источникам только с последней четверти XVII в., когда стали указывать возраст, а промежутки между датами составления документов были меньше, чем прежде.

Демографические ситуации в Боровске и в боровских родах складывались не только в результате естественного движения населения. В начале 1620-х годов в городе было много пустых дворов. Можно предполагать, что в предшествующее Смутное время некоторые роды перестали существовать. В 1654 г. разразилась эпидемия. Обобщающие документы о ней по Боровску пока неизвестны, в писцовой книге 1685 г. содержится несколько прямых записей о смертях от эпидемии и записи, которые можно предположительно истолковать как свидетельства о «моровом поветрии». Последние сведения о ряде родов содержатся в документах 1646–1652 гг. Несколько родов исчезает из Боровска в промежуток между описаниями 1709 и 1719 гг. то ли из-за вымирания, то ли вследствие перевода в Петербург. О влиянии Северной войны на положение и состав родов и семей свиде-

тельствуют записи о солдатских вдовах в 1719 г. На протяжении XVII—первой четверти XVIII в. источники фиксируют случаи бегства боровичей из города без разрешения или переезда в другие места с разрешения.

В рассмотренный период население Боровска в персональном и родовом отношениях менялось, причём в отдельные моменты значительно. Вместе с тем, несколько десятков родов существовали в течение всего периода, составляя постоянное ядро населения города.

ОБРАЗОВАНИЕ ФАМИЛИЙ У БОРОВСКИХ ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ В XVII В.

До XVI в. русские люди носили личные имена и отчества, а часто ещё и прозвища. Наряду с личным именем, полученным при крещении, человек нередко носил не церковное, а бытовое имя. В XVI в. в привилегированных условиях стали возникать родовые имена (фамилии). В других слоях общества процесс образования фамилий, хотя и начался в принципе тоже в XVI в., приходится в основном на более позднее время, особенно в крестьянстве. Например, в Боровском уездном земском собрании состава 1871–1873 гг. из 8 депутатов от крестьян фамилию имел один, состава 1874–1876 гг. — четверо.

Из-за отсутствия источников неизвестно, начали ли появляться фамилии у боровских посадских людей в XVI в. Самые ранние сведения о посадских относятся к первым двум десятилетиям XVII в. В частности, документы 1612–1613 гг. называют Степана Долгова, Алексея Киркина, Афанасия Мартьяхина и Ивана Щукина. Возможно, Долгов, Киркин, Мартьяхин и Щукин были не фамилиями, а унаследованными от отцов прозвищами. Такое прозвище уточняло известие об отце, передававшееся отчеством, и имело ту же форму, что и собственно отчество. В 1625 г. Степан Долгов был записан не только по имени, но и с отчеством Софонов. Если известного только из отчества Софона называли Долгим, то Долгов его сына было унаследованным прозвищем, а если уже Софон именовался Долговым, то у его сына скорее всего была фамилия. Потомки упомянутых четырёх человек совершенно определённо носили фамилии Долговых, Киркиных, Мартьяхиных (Мортьяхиных) и Щукиных.

Ход образования фамилии поясню по данным о Ширяевых. В Боровске жил Ширяй Шепелев, то есть сын человека с бытовым именем Шепеляй. Крестильное имя Ширяя было Прокофий. Сын Ширяя Фёдор, погибший при захвате Пафнутьева

монастыря Лжедмитрием II в 1610 г., имел отчество Ширяев. Другого сына, Бориса, в 1621 г. записали Ширяевым, в 1625 г. — Прокофьевым Ширяевым, а в 1646 и 1678 гг. — с отчеством Прокофьев и дедичеством Шепелев. Осипа Борисова с 1680 г., когда он уже был самостоятельным хозяином, постоянно писали Ширяевым, то есть фамилия образовалась из имени деда при внуке. Превращение дедичества в фамилию прослеживается и во многих других случаях. К старейшим посадским относится и Савелий Савельев Санин, упомянутый в одном документе 1620 г. В 1625 г. его записали, видимо, по имени деда, С.С. Наумовым, но в 1646 г. — снова Саниным. Далее члены рода назывались только Саниными.

Старейшими документами, учитывающими основную массу посадского населения Боровска, являются дозорная книга 1621 г. и писцовая книга 1625 г. В 1621 г. из 95 учтённых дворовладельцев примерно половина носила унаследованные прозвища. Вероятно, по крайней мере часть именовании в действительности была фамилиями, но установить это точно невозможно. Не считая названных выше, документы 1621 и 1625 гг. сообщают следующие не индивидуальные имена, позднее употреблявшиеся, несомненно, как фамилии: Алешин (Олешин), Беляев, Волокитин, Гуляев, Дехтерев, Дешин, Копырин (не путать с мякишевским тёзкой), Корякин, Кутавин, Морозов, Мякотин, Овчинников, Пашутин (Пошутин), Питухин, Плешкин (Плишкин, Плюшкин), Постухов, Рожнов, Слемзин, Стрельцов и Усачёв. К ним следует прибавить площадного дьячка Ивана Скрыпова, предка известных с 1678 г. посадских людей с той же фамилией. В Мякишевской и Высоцкой слободах, принадлежавших Пафнутьеву монастырю, жили носители унаследованных прозвищ или фамилий, в 1649 г. зачисленных на посад: Болдырев, Воробьев, Дрыкин, Ирошников, Копырин, Мешков и Помухин. Некоторые записи 1620-х годов неясны. Написано: «вдова Любавица Офонасьевская жена Куркина». Слово «Куркина» может означать «Курка» (личное прозвище мужа Афанасия) или «Куркин» (унаследованное прозвище). Подобное — с записью о вдове Пешковой, мужа которой Ивана могли называть и Пешкой, и Пешковым. Сын его в 1646 г. был, естественно, Пешковым.

Закрепившимся фамилиям могли предшествовать как бы промежуточные именованья. Так, в 1646 г. посадский человек, сын священника Воскресенской церкви Гаврилы Иванова, был записан Иваном Гавриловым-Поповым, то есть с прозвищем, указывающим профессию отца. В 1678 г. тот же человек назван Муромцевым, а позднее и он, и его сыновья числились то Поповыми, то Муромцевыми. После 1695 г. встречаются только Муромцевы.

Фамилии образовывались от разных именованний людей. К крестильным именам восходят фамилии Автомоновы (от Автомон), Провоторовы (от Провотарх, то есть Пров и Тарх) и Фроловы (от Фрол).

Таких фамилий немного. От уменьшительной формы имени Кир — Кирка образовалась фамилия Киркин. Источниками для фамилий были и нецерковные имена, часто встречающиеся в документах первой половины XVII в., и прозвища. Если в семье было несколько сыновей, то их нередко называли по очерёдности рождения Первым, Вторым и т.п. От бытового имени Второй происходит фамилия Второвы. Подобным образом образовались фамилии Девятовы и Третьяковы (от Третьяк — третий).

От не церковных имён и прозвищ, характеризовавших внешность, нрав, жизненные обстоятельства, образовались фамилии Беляевы (от Беляй — светловолосый), Молчановы (от Молчан), Усачевы, Ждановы (Ждан — жданный сын) и другие. Фамилии Муромцевы и Аржевитины показывают, что родоначальники были иногороднего происхождения (поп Гаврила — из Мурома, Фома Ржевитин — из Ржева).

Разнообразны по смыслу исходных значений фамилии, произошедшие от названий профессий и специальностей: Бочаровы, которые «делали бочарное» ещё в конце XVII в., Иконниковы, Ирошниковы (от ирошник — изготовитель ирхи, то есть кожи под замшу), Колачниковы (колачник — пекарь белого хлеба) и др. Фамилия Чистяковы, которые первоначально назывались Почечуевыми, указывает на умение лечить травами (почечуйная трава, чистяк). Потомки неизвестного стрельца или охотника звались Стрельцовыми. Единственная фамилия, образованная от женского имени, — Матрёнины. Источник этой

фамилии – прозвище человека, воспитывавшегося матерью, рано овдовевшей Матрёной, по источникам, однако, не установленной.

В конце XVII–начале XVIII вв. большинство посадских родов имело фамилии. За некоторыми родами, известными даже с 1620-х годов, фамилии закрепились в первой четверти XVIII в. И позже. В 1760-е годы было несколько старых родов всё ещё бесфамильных. Надо сказать, что сами посадские не всегда называли себя по фамилии. Это видно по подписям под документами о выборах городских чинов в середине XVIII в.

Фамилии и сам процесс их возникновения являются свидетельствами об обычаях, происхождении, занятиях и социальном положении предков. Фонд фамилий составляет часть достояния русской культуры.

БОРОВИЧИ В МОСКВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

В источниках XVII—первой половины XVIII вв. встречаются записи о том, что такой-то боровский посадский человек или крестьянин Боровского уезда «пропал безвестно», «збежал», «сшол к Москве бе государева указу», взят в Москву «к государеву кирпичному делу», «за вины сослан в ссылку» и т.п. Документы XVIII в. сообщают и о взятии боровичей в рекруты.

Изучение судеб людей, по разным причинам оставивших родное место, способствует раскрытию социальных и других отношений, генеалогической и демографической характеристике родов и населения в целом, связей жителей населённого пункта с другими поселениями. Такое исследование должно включать установление положения конкретных людей и групп людей в обществе, изменение их статуса в ту или иную сторону в социальном, профессиональном, служебном и имущественном плане.

В настоящей статье речь идёт о боровичах, осевших в Москве. Несколько представителей боровских родов в Москве упоминает А.И. Аксёнов в работе о провинциальном купечестве XVIII в., в которой имеется глава «Из уезда в Москву» (1). В целом тема была не разработана. Первая половина XVIII в. представляет одну из последних фаз истории посадского населения Боровска. Переселение боровичей в Москву и в другие места было одним из факторов, влиявших на состав жителей Боровска.

Сведения по теме содержатся в документах по истории московского купечества, в конце XIX в. опубликованных Н.А. Найдёновым (2). Это книги 1-й и 2-й ревизий, датированные 1725 и 1747 гг., окладная книга 1748 г. и книга выбывших после 1-й ревизии. В сборнике напечатана также переписная книга 1725 г., поданная Московским магистратом в Главный магистрат, не прибавляющая сведений к данным книги 1-й ревизии. В источниках перечислены лица, приписанные к московским слободам. В первых записях новоприбывших указывались места их выез-

да. В 1725 г. отмечалось приблизительное время приезда, в 1748 г. точный год назывался, а в 1747 г. приезды в Москву не датированы. При последующих переписях место прежнего жительства не указывалось. В 1725 г. речь идёт о посадских людях, в 1747 г. — о купцах.

Более поздние источники использовались для того, чтобы установить, возникли ли московские линии боровских родов, но не далее начала XIX в. (3). Сведения о принадлежности новоиспечённых москвичей к боровским посадским родам извлекались из переписных материалов по Боровску XVII—первой четверти XVIII в. (4).

В материалах 1-й ревизии прибывшими из Боровска записаны следующие лица: братья Степан и два Ивана Ивановы Сухоревы, Сидор Петров Морозов, Афанасий Евтифеев (до 1714 г.), Парфён и Родион Степановы (с 1714 г.), Михайло Никифоров Жилин, Алексей Максимов Заикин, Прокофий Ипатов, Василий Филипов Долгой, Иван Петров, Дмитрий и Семён Максимовы с племянником Козьмой Гавриловым, Иван Никитин, Игнатий Кондратьев, Дмитрий и Матвей Ивановы Кружевниковы (с 1719 г.) и Кондратий Исаев (с 1722 г.). О Филипе Иванове сказано, что он прибыл «лет с 13» назад, а о его брате Тимофее — «лет с 24» (5). Всего выявлено 22 человека, не считая их детей, родившихся, судя по возрасту, уже в Москве. Старейшими, прибывшими «до 714 г.», были 7 человек. Среди них братья, время прибытия которых указано как 13 и 24 года назад, то есть примерно 1712 и 1701 гг. Два человека прибыли «с 714 г.», 12 человек — с 1719 г., и один — с 1722 г. Следовательно, более половины (13 человек) прибыли в последние перед ревизией годы. Кружевниковы записаны в числе прибывших «после 719 г.», но как находящиеся в тягле с 1722 г. Последняя дата, скорее всего, и является датой приезда в Москву.

Под фамилиями было записано 9 человек. В одной из записей 1747 г. Дмитрий и Семён Максимовы с племянником Козьмой идут под фамилией Шустовых (6). Род Шустовых прослежен мною в Мякишевской слободе (в XVIII в. это Борисоглебский приход) до середины XVII в. Афанасий Евтифеев упоминается в источниках по Боровску как член рода Хомутинниковых. Его отец и дед между 1646 и 1652 гг. переселились (пе-

реселены?) из Высокого в Мякишевскую слободу. Фамилия обнаружена лишь в документе 1719 г. До этого члены рода писались без фамилии. Кружевниковы были из мякишевских Пашутиных, известных по источникам с середины XVII в. Их не следует путать с Пашутиными с «Городской стороны». Со 2-й ревизии московских Кружевниковых писали так: «Кружевников и Пашутин» (то есть Кружевников-Пашутин). Московская фамилия показывает занятие выезжих из Боровска. Морозов, Долгой (то есть Долгов) и Жилин принадлежали к посадским родам, упоминаемым ещё в дозорной книге 1621 г. Старейшие Заикины обнаружены в с. Красном. Один из них в середине XVII в. был переведён на посад. А.М. Заикин представлял посадскую ветвь рода. Сухоревы пока что отысканы лишь в источнике 1719 г., отмечающем жителя Борисоглебского прихода Максима Стефанова Сухорева с сыном (7). Возможно, боровский Максим Сухорев был сыном переехавшего в Москву Степана Иванова Сухорева.

Среди прибывших «с 719 г.» был Иван Никитин 31 года. В дальнейших записях это лицо не обнаружено. Однако в книге выбывших после 1-й ревизии записан числившийся за той же Кадашевской слободой, что и Иван Никитин, Иван Никитин Савин 30 лет (возраст был указан по ревизской книге), который «пропал безвестно» (8). Весьма вероятно, что оба Ивана – одно и то же лицо, родившееся в 1694–1695 гг. В просмотренных пока что источниках по Боровску такой человек не найден. В документах имеются сведения о возможной родовой принадлежности Ивана Никитина. В 1695 г. в Боровске жил Никита Савельев Санин (в 1677 и 1685 гг. – Микифор) (9). Возможно, что в Москве Санина записали Савиным, если это не опечатка в публикации. Не исключено и то, что в Москве фамилию Савин образовали от имени деда. В XVII в. Савву и Савелия именовали уменьшительно Савкой, и поэтому фамилия могла быть не Савельев, а Савин. По отношению к Ивану Никитину это лишь догадки. В число носителей фамилий он не включается. Большинство прибывших записано происходящими из посадских людей. Только П. и Р. Степановы названы поповыми детьми, но и они перечислены среди посадских, какими, вероятно, и были на самом деле.

По московским слободам боровичи распределились так: в Кадашевской слободе — 6 человек, в Кошельной — 4 человека, в Напрудной — 3 человека, в Голутвенной, Огородной, Мещанской, Малых Лужниках, что у Крымского двора, — по 2 человека, в Сыромятнической — 1 человек. В остальных 23 слободах новоприбывших боровичей не обнаружено. Будучи приписанными к какой-либо слободе, люди могли жить и за её пределами. Так, А.М. Заикин числился в Кадашеве, а жил в Кошельной слободе.

Условия, на которых жители других мест поселялись в Москве, указаны обобщённо, для целых групп людей: «по поручным записям», «по заручным записям и по указам из Московского магистрата». Лишь Ф. и Т. Ивановы отмечены персонально как поселившиеся по поручным записям, да Кружевниковы, переведённые «по указу из магистрата».

Из выявленных в материале 1725 г. новоприбывших боровичей в книгах 1747 и 1748 гг., а также в недатированной книге выбывших после 1-й ревизии 9 человек показаны живыми и 5 человек — умершими. Сведений об остальных 8 человеках не обнаружено.

В 1747 г. был записан 1 человек, происходивший не из самого Боровска и не из купцов. Это крестьянин монастырской Рошинской слободы Гаврило Прокофьев, приписанный к Таганной слободе. О нём сказано, что до крестьянствования в Роше он был «в разночинцах» в Климентьевской слободе Троице-Сергиева монастыря. Таким образом, за 31 год жизни Гаврило Прокофьев успел побывать не менее чем в 3 социальных группах, пожить не менее чем в 3 местах под не менее чем тремя юрисдикциями (10).

Новоприбывшими были также приписанные к Кадашевской слободе Яков Максимов Жилин, приехавший в 1736 г., Артемий Панфилов Заикин (в 1745 г.), Гаврило Антонов Третьяков (в 1745 г.) и Лука Афанасьев Девятков (в 1745 г.); к Дмитровской сотне — Афанасий и Михайло Гавриловы Крупениковы; к Средтенской сотне — Яким Дмитриев Третьяков; к Конюшенной-Овчинной слободе — Иван Максимов Заикин (в 1746 г.) (11).

В общей сложности, по данным двух ревизий в московские слободы был записан 31 борович. Установлена принад-

лежность части этих людей к 11 родам: Заикиным, Сухоревым и Шустовым (по 3 человека), Жилиным, Крупениковым, Пашутиным и Третьяковым (по 2 человека), Морозовым, Долговым и Хомутинниковым (по 1 человеку).

В большинстве случаев прибывали отдельные лица. Источники не показывают, прибыли ли одновременно или в разные годы члены родовых групп Сухоревых, Шустовых, Пашутиных и Крупениковых. Точно сказано о разновременном прибытии Ф. и Т. Ивановых. В разные годы собирались в Москве Заикины. Сначала (после 1719 г.) приехал Алексей Максимов, много позднее (в 1745 г.) его племянник Артемий Панфилов и (в 1746 г.) младший брат Иван Максимов. Двенадцатилетний Яков Максимов Жилин прибыл и стал жить у дяди М.Н. Жилина, который осел в Москве более чем 10 годами раньше. В доме М.Н. Жилина стал жить и его свояк И.А. Девятов, приехавший в 1745 г. Все трое торговали в зеркальном ряду. Этот пример показывает значение родственных связей в устройстве жизни на новом месте. В том же смысле, думается, можно истолковать и проживание братьев из того или иного рода в одном месте или по соседству.

В источниках указан возраст записанных в них лиц на период переписи. По этим данным можно установить возраст, в каком боровичи перемещались в Москву. Для лиц, записанных в 1725 г., этот возраст устанавливается очень приблизительно, так как отмечался не год, а время «до 714 г.» и т.п. С.П. Морозов, имевший в 1745 г. 43 года от роду, прибыл до 1714 г. В 1695 г., когда ему было 13 лет, если исходить из московской записи, или 17 лет, как показано в источнике по Боровску, он ещё жил в отцовском доме. В 1709 г. в Боровске он уже не числился. Там оставались его отец с братом (12). Видимо, он уехал в Москву в последние годы XVII—первые годы XVIII вв. в возрасте за 20 лет. А.М. Заикин в 1719 г. был записан в Боровске. По боровскому источнику ему было тогда 14 лет, а если считать по московскому документу (в 1725 г. — 27 лет) — 21 год (13). Получается, что в Москве он поселился в возрасте 22–27 лет. Наименее определимы возрасты тех, кто приехал «до 714 г.» Если считать по позднему, 1713, году, то устанавливаем, что С.И. Сухорев приехал в возрасте не старше 33 лет, а его

братья соответственно не старше 19 и 17 лет; Н. и Р. Степановы не старше 19 и 18. Для прибывших после 1719 г. выведены такие возрасты: М.Н. Жилин между 20 и 25 годами, К. Исаев 34, В.Ф. Долгой 34-39 лет, И. Петров 20-25 лет, Шустовы 35-40, 25-30 и 13-18, И. Никитин 26-31, И. Кондратьев 22-27, Пашутины (Кружевниковы) 35-40 и 33-38. Довольно определённо выводятся возрасты Ф. и Т. Ивановых 25 и 20 лет.

Благодаря окладной книге 1748 г. известны конкретные даты переселения большинства приехавших после 1-й ревизии и учтённых в 1747 г. Я.М. Жилин приехал в 12 лет, А.П. Заикин – в 20, Г.А. Третьяков – в 34 года, Л.А. Девятков – в 19 и И.М. Заикин – в 36 лет. Нет данных о Крупениковых и Я.Д. Третьякове. Исходя из сведений 1747 г. и считая позднейшей датой прибытия 1746 г., получаем, что Крупениковы приехали в возрасте не старше 32 и 27 лет, Третьяков – не старше 27 лет.

Наиболее солидный возраст в год прибытия имели А.Е. Хомутинников (не старше 46 лет) и П. Ипатов (60-65 лет).

Подчёркиваем, что выведенные возрасты весьма приближительны в большинстве случаев. С учётом этого получается, что не более 20 лет от роду имели 9 человек, от 21 до 30 – 10 человек, 31–40 лет – 9 человек и 2 человека были старше 45 лет. Преобладают те, кто прибыл в Москву до 30 лет, в том числе имевшие не более 25 лет (13-14 человек). Те немногие, кто отыскан в источниках по Боровску, не были дворовладельцами. Данные о том, чтобы кто-то из них был семейным, не обнаружены. Во всяком случае, сыновей источники ни у кого не показывают. Скорее всего, эти люди и не были семейными до отбытия из Боровска.

В сословном смысле бывшие боровичи оставались теми, кем они были прежде. Исключением был Г. Прокофьев, переместившийся из крестьян в купечество. Об имущественных возможностях в известной мере можно судить по данным 1725 г. В ревизской книге записано, что С.П. Морозов имел двор. По двору было у Кружевниковых. Трое Шустовых имели двор вместе, как и трое Сухоревых. О 6 человеках сказано как о владельцах «хоромных строений» (просто «стороений») на чьей-либо земле (Ф. и Т. Ивановы, И. Кондратьев, И. Петров, П. Ипатов и К. Исаев). Таким образом, из 22 человек собственное

жильё имели 13. Очевидно, что у них были средства на приобретение жилья. Остальные жильё нанимали. Невозможно сейчас сказать, насколько быстро жильё приобреталось. В 1725 г. дворы и «строения» имели главным образом люди, которым было за 30. Только И. Петрову и И. Кондратьеву было 25 и 27 лет соответственно. В 1747 г. о дворах и «строениях» не упоминается.

Окладная книга 1748 г. классифицирует купечество по гильдиям и окладам. К первой гильдии принадлежал М.Н. Жилин, торговавший в зеркальном ряду и ездивший «от купцов» в другие города. Ему установили оклад в 36 руб. А.М. Заикин занимался откупам «в разных городах». Его оклад составлял 24 руб. Откупам занимался и И.М. Заикин (15 руб. оклада). Упомянем также сына уже покойного М.И. Кружевникова М.М. Кружевникова и Пашутина, торговавшего в кружевном ряду (оклад 12 руб.). Возможно, его положение было то же, что и его отца.

Второгильдейскими были И.И. Сухорев (старший) (торговля в москотинном ряду, оклад 4 руб. 20 коп.), Л.А. Девятов (торговля в зеркальном ряду, 6 руб.), Я.М. Жилин (торговля в зеркальном ряду, 3 руб.), А.П. Заикин и Г.А. Третьяков (по 2 руб. 40 коп.). Разница в окладах показывает различия в общественном и материальном положении. В третьей гильдии бывших боровичей не обнаружено.

Представители некоторых боровских родов стали основателями московских ветвей. Использованный материал даёт возможность установить несколько линий. По 1795 г. прослежено существование Сухоревых, Шустовых и Третьяковых, по 1811 г. — Девятовых, Заикиных, Крупениковых и Кружевниковых-Пашутиных. Материал после 1811 г. не рассматривался. Отсутствие Сухоревых, Шустовых и Третьяковых после 1795 г. обязательно говорит о пресечении родов. Возможно, они переместились в мещанство и потому их нет в источниках по истории купечества, опубликованных Найдёновым. Некоторые линии оказались короткими. Во всяком случае, прослежены недалеко. В 1725 г. у А. Евтифеева (т.е. Хомутильников) показан зять. Следовательно, у него была по крайней мере одна дочь. В 1747 г. Афанасий уже не упоминается. Вероятно, он к тому времени умер: в 1725 г. ему было уже 58 лет. О Кондратии Исаеве и его

сыне сказано, что они умерли в 1746 и 1747 гг. Только в 1725 г. упоминаются Иван Никитин с сыном. Гаврило Прокофьев упомянут в последний раз в 1759 г., а 2 его сына — в 1762 г. В книге выбывших после 1-й ревизии С.П. Морозов показан умершим. Его старший сын с внуком записаны в 1747 г., а далее сведений о них нет. Другой сын в книге выбывших тоже записан умершим.

Нет смысла гадать о возможности появления и других боровичей, не попавших в использованные источники. Одного предполагаемого боровича следует упомянуть, так как он отмечен в окладной книге 1748 г. В источнике отмечено, что в 1724 г. из «архиерейских крестьян» прибыл Фёдор Фёдоров Боровитинов (14). Фамилия явно говорит о Боровске. Однако в документе место отбытия не названо. Появление же из Боровска не очевидно. Был же записан ещё один Боровитинов, переселившийся из Юрьева-Польского. Исходя из фамилии, можно предполагать, что юрьево-польский купец либо сам происходил из Боровска, либо его предки.

Настоящая статья доставляет лишь небольшую, по сравнению с желательным, долю сведений по истории выхода боровских посадских людей за пределы своего города.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аксёнов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993.
2. Материалы для истории московского купечества. М., 1883. Т.1; М., 1884. Т.1. Приложение 1.
3. Материалы. М., 1885. Т.2. Приложение; Т.3. М., 1886; Т.4. М., 1887. Т.4. Приложение 1; М., 1887. Т.5.
4. Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. (Далее — Боровск).
5. Материалы. М., 1883. Т.1. С.12, 15, 17, 46, 49, 90, 154, 161, 184, 223, 234; М., 1884. Т.1. Приложение 1. С.6, 7.
6. Там же. Т.1. На с.106 братья записаны без фамилии, но на с.109 Дмитрий Максимов с сыновьями почему-то снова записан как переведённый из боровских купцов, и притом под фамилией Шустов. Источники начала XVIII в. по Боровску подтверждают его принадлежность к Шустовым.

7. Боровск. С.139.
8. Материалы. М.,1883. Т.1. С.159.
9. Боровск. С.116, 19, 43.
10. Материалы. М.,1883. Т.1. С.65.
11. Там же. С.11, 116, 123, 139; М.,1884. Т.1. Приложение 1. С.16, 22, 23.
12. Боровск. С.116, 121.
13. Там же. С.137.
14. Материалы. М.,1884. Т.1. Приложение 1. С.113.

ИЗ ИСТОРИИ МЕСТНЫХ АРХИВОВ: БОРОВСКИЙ АРХИВ В КОНЦЕ XVII В.

В фонде Поместного приказа имеется небольшая серия росписных списков по Боровску конца XVII в. В этих документах поимённо перечислены жители города и даны сведения о казённом имуществе. В некоторых списках сообщается и об архиве.

В XVII в. основным местом создания и хранения документов в уезде была приказная, или съезжая, изба. В Боровске съезжая изба и воеводский двор находились на территории крепости, а точнее, лишь места, где она была, так как «город» выгорел в 1634 г. В росписных списках конца XVII в. этот факт непременно упоминали.

Наиболее подробным источником об архиве является самый ранний из документов – росписной список 1682 г. В нём записано, что в съезжей избе хранились 105 грамот «указных и о челобитчиковых всяких дел» периода воеводства Гаврилы Богдановича Приклонского, сидевшего в Боровске в сентябре-декабре 1680 г. Далее сообщается, что имелось 11 «тетрадей о порожжих землях» (т.е. землях, не занятых дворами и огородами), приемочные книги ямских и полоняничных денег за 1672–1680 гг., 4 книги в десть «с переписных книг 186 (т.е. 1677/78. – Г.К.) году» и переписная книга 1646 г. Отдельно названы находившиеся в «казенке» (кладовой) 7 коробов с царскими грамотами и «со всякими делами» и 2 лукошка документов «прежних воевод» (1).

Сведения о документах не очень-то подробные. Всё же можно составить некоторое представление о том, как документы хранили. Определённо, что хранили их в двух местах в съезжей избе – в рабочей комнате и в специальном помещении. Состав материалов в основном ясен. Непонятно, к какому времени относятся документы из кладовой. Старейшим датированным документом является переписная книга 1646 г. (2). Она отражает состояние посада и соседних слобод, принадлежавших Пафнуть-

еву монастырю, незадолго до посадского строения (1649–1652). Переписная книга 1677 г. фиксировала состояние города на рубеже 70–80-х годов XVII в. (3). Скорее всего, оба документа были отпусками. Интересно было бы знать, имелись ли в съезжей избе документы старше 1646 г. В отписке о пожаре 20 марта 1634 г. сказано, что среди сгоревших сооружений был воеводский двор, но о гибели или спасении документов не сообщается (4). Сведений о судьбе документов в 1634 г. не найдено и в других источниках. Датированные документы были составлены незадолго до росписного списка. Они являются материалом, находившемся в делопроизводственном обороте.

Росписной список от 30 сентября 1684 г. содержит более краткую, чем в списке предыдущем, запись об архиве. Упомянуты только находившиеся в «казенке» 7 коробов и 2 лукошка. Зато зафиксирована деталь сохранности документов: «А те писма многие мыши потратили» (5).

Документ 1684 г. отмечает ветхость здания съезжей избы. Росписные списки последующих лет фиксируют усилившееся обветшание всех зданий на городище. Росписи 1687 и 1691 гг. только констатируют нахождение документов в кладовой (6). В 1694 и 1695 гг. отмечено катастрофическое положение архива: «В той казенке от худости и без кровли все писма перемокли и погнили» (7). Обрушение крыши отмечали ещё в 1691 г.: «Все хоромное строение сгнило и раскрылось» (8).

Следующий из выявленных источников относится к 1704 г. (9). Документ имеет заголовок «В боровской росписной список нынешнего 1704 года» и подпись подьячего. Описанная в нём документация разделена на 3 группы, то есть классифицирована. В первую группу включены переписная книга уезда, присланная, как сказано, в 1679 г. (10), полученные из Москвы указы и составленные на месте записные книги и челобитные 1700–1704 гг. Документы этой группы названы конкретно («Книга записная великого государя указанным грамотам в переплете», «Книги расходные, что куплено в приказную избу бумаги и свеч на приказные дела декабря с 4 числа прошлого 1700 году» с указанием сумм расходов по 22 октября 1702 г. и т.п.). Вторую группу образовали «дела прежних воевод» за 1682–1700 гг., упомянутые лишь суммарно. Интересна запись о третьей группе документов,

собственно архивных: «Прежних воевод прошлых данных лет всякие дела в коробьях у подъячего Якова Скрыпова. А тех дел за ветхостию переписывать невозможно» (11). Речь идёт, очевидно, о документах, о которых в 1690-е годы писали, что они подмокли и погнили.

В апреле 1705 г. в приказной избе случилось происшествие — украли ящик со «зборной денежной казной и записными всякими книгами» (12).

Правда, сломанный ящик нашли в поле за городом. Документы валялись на земле. Источник не сообщает, понесло ли делопроизводство приказной избы какой-либо урон. Записи показаний говорят о том, как охранялась приказная изба и, следовательно, находившиеся в ней документы. Ящик вынесли ночью через заднюю дверь, не имевшую замка. Накинутый изнутри крюк был «знатно воровским вымыслом тремя черемоховыми трещотками поднет». В это время трое караульных спали в стоявшем напротив старом здании приказной избы, в котором содержались «колодники». Старое здание было лишь более старым, чем то, где помещались канцелярия с архивом. В 1704 г. отмечалось, что кровля «огнила и обваливалась» на обеих избах. Полное обветшание приказной избы и воеводского двора констатирует и росписной список 1705 г. (13).

Новое здание для приказной избы было выстроено лишь в 1709 г. Об этом мы узнаём из списка 1710 г. (14). К сожалению, источники 1705 и 1710 гг. о документах текущего делопроизводства и архива ничего не сообщают.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф.1209. Оп.7а. Д.20. Л.44об.
2. Опубликовано в сб.: Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888.
3. Опубликовано там же.
4. Акты Московского государства / Изд. Имп. Академиею наук под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. Т.1. С.591.
5. РГАДА. Ф.1209. Оп.7а. Д.20. Л.81об.
6. Там же. Л.159, 175.
7. Там же. Л.114, 215.
8. Там же. Л.175об.

9. Там же. Ф.210. Оп.8. Вяз.32. Д.6. Л.2–6об.
10. См.: «Список з боровских перечневых переписных книг 186 году, присланных в Боровеск из Стрелецкого приказу, и нынешнем 207 году» (РГАДА. Ф.1209. Оп.7а. Д.20. Л.261–277об.).
11. РГАДА. Ф.210. Оп.8. Вяз.32. Д.6. Л.6об.
12. Там же. Вяз.35. Д.120. Л.205–210.
13. Там же. Ф.1209. Оп.7а. Д.20. Л.20, 294об.
14. Там же. Л.307.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗРЕНИЕ В БОРОВСКЕ В XVII–ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.

Социальное попечительство в Боровске на ранних стадиях его истории до сих пор не изучалось. Несколько источников дают возможность хотя бы немного осветить тему. В дозорной книге 1621 г., являющейся ранним источником по целому ряду вопросов истории Боровска, записано, что при Успенской церкви на Гноище располагалось 8 келий, в которых жили нищие, и что прежде было 3 кельи при сожжённой в 1610 г. Козмодемьянской церкви. Под кельями подразумеваются жилые постройки без усадеб. Писцовая книга 1625 г. добавляет известие об уже не существовавших кельях при Троицкой церкви на левобережье р. Протвы.

Если источники первой четверти XVII в. свидетельствуют об обычае предоставления крова тем, кого называли нищими, при церквях, то из писцовой книги 1685 г. мы узнаём о новой форме помощи, а именно – о богадельне. Приют был построен священником церкви Рождественского монастыря и посадскими людьми в Спасском приходе, подле площади и Калужской дороги. В нём жили 9 человек, названные поимённо. Других данных о них нет. Попытка установить, нет ли среди обитателей богадельни горожан, оказалась безуспешной.

Интереснейшим документом является отчёт («скаска») рождественского священника боровской «канцелярии свидетельства мужеска полу душ» от 17 декабря 1723 г. Документ не только называет имена, но и возраст, происхождение и состояние здоровья. Всего в 1723 г. в богадельне было 8 человек. Один из них принадлежал к боровскому бесфамильному посадскому роду. Это был Авдей Веденихтов 56 лет, страдавший «падучей болезнью» (эпилепсией). В 1709 г. этот человек жил собственным хозяйством в Борисоглебском приходе (бывшая Мякишевская слобода). В переписной книге 1719 г. его уже нет. Видимо, в это время он уже находился в богадельне.

Три человека поступили в богадельню из трёх сёл Боров-

ского уезда, двое – из сёл Малоярославецкого уезда и один – из Серпуховского. Шестнадцатилетний шведский военнопленный, крещённый «во младенчестве» боровском посадским Е. Саниным под именем Ивана Ефимова, жил в городе. Это был самый молодой обитатель богадельни. Остальным было от 35 до 90 лет. Все они были инвалидами, а трое ещё и преклонного возраста (80, 82 года, 90 лет).

Кроме названных посадского и «иноземца», были один пономарь, два «церковника» (младшие служители) и три помещичьих крестьянина. Старейший из жильцов богадельни Иван Сафонов из Радутина Малоярославецкого уезда был отпущен помещицей «для прокормления в мир за старостию и за болезнию» 15 октября 1722 г. По данным на апрель 1726 г. Ивана Сафонова и Ивана Ефимова уже не было в живых. В богадельне оставалось 5 человек. Правда, сюда были «определены» отставной драгун, рейтарский сын и дьячок, которые, однако, оставались на прежнем месте жительства.

Из источников не видно, как в конкретных случаях решалось о помещении того или иного человека, упомянутого в 1723 г., в богадельню. С прошением об этом в 1725 г. обратился нищенствовавший в Боровске отставной солдат 80 лет, которому «идти в услужение» было «не к кому». Любопытна помета на его прошении о том, что неизвестно, как быть с такими людьми. Другая помета сообщает о записи просителя в плательщики подушной подати в Солдатской (прежде Казачьей) слободе.

Как видим, богадельня предназначалась не только для местных жителей. Масштаб социальной помощи был скромным.

БОРОВСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

Принятый при Алексее Михайловиче свод законов, известный под названием Соборного уложения 1649 г., при Петре I во многих отношениях стал недостаточным. Наиболее значительные действия с целью составления нового Уложения, были предприняты в первые годы правления Екатерины II. 30 июля 1767 г. состоялось первое заседание Комиссии о составлении нового Уложения. Комиссия работала в Москве, с февраля 1768 г. — в Петербурге. Члены комиссии (депутаты) собирались на общие заседания. Существовали также проблемные комиссии. На общих заседаниях оглашались указы депутатам и обсуждались вопросы, касавшиеся предполагавшегося Уложения. Никаких решений Комиссией принято не было, и вообще её работа не была доведена до конца. В январе 1769 г. общее собрание Комиссии было закрыто.

Депутаты в Комиссию избирались от сословных групп и учреждений. Дворяне и города должны были послать по одному представителю соответственно от уезда и города. В Боровском уезде числилось 260 помещиков, из которых 29 явились на избирательное собрание. 78 человек прислали голоса в письменном виде. Депутатом своим они избрали сенатора, генерал-аншефа князя Михаила Никитича Волконского, в уезде не жившего, но имевшего здесь деревни. Впрочем, князь недолго пробыл боровским депутатом. Поскольку он был избран ещё и от Сената, то уже 8 августа 1767 г. на четвёртом заседании Комиссии передал свои полномочия от боровских дворян секунд-ротмистру лейб-гвардии конного полка Павлу Иванову Голохвостову. От г. Боровска с его более многочисленным населением был избран купец Лука Стефанов Щукин. Оба депутата получили указы с изложением просьб к верховной власти.

Дворянский наказ состоял из 8 пунктов. Первые 2 пункта представляют собой просьбу о том, чтобы дворяне уезда могли каждые 2 года собираться на съезд для обсуждения исполнения законов и возможных случаев «утеснений» дворян и крестьян от

«судебных мест», воинских частей и т.п. Третий пункт задевал купцов, поскольку содержащаяся в нём просьба о повсеместном введении единых мер и весов обосновывалась тем, что купцы покупают хлеб у крестьян «большею мерою», а продают его мерою «меньшею», причиняя «утеснения» крестьянам. Заодно предлагалось пресечь обвешивание крестьян при продаже им соли. Четвёртый пункт касался ограничения разорительной для крестьян повинности подводами; а пятый заключался в просьбе изыскать возможности содержания «больших дорог», которых в Боровском уезде насчитали четыре, таким образом, чтобы уезды несли тяготы более равномерно, чем это было.

Отмечалось, что крестьянские общины имеют мало средств на починку дорог и что крестьяне отвлекаются от полевых работ на работы дорожные. Далее дворяне просили о принятии мер к улучшению перевозов и мостов, состояние которых оценивалось как плохое, особенно весной, когда частные лица, беря за перевоз большие деньги, наносят «великий убыток» дворянам и крестьянам.

Седьмой пункт содержал замечание к одному пункту инструкции землемерам для проведения генерального межевания. В восьмом пункте утверждалось, что многие недворяне, получив штаб- и обер-офицерские звания и «неправо набогатясь», купили «многие деревни и тем старому дворянству немалое утеснение причиняют», а потому предлагалось запретить этим людям приобретать деревни.

Городской, а в сущности купеческий, наказ, датированный 12 июня, показывает иные интересы. Его первый пункт касался сугубо конкретного, но, очевидно, весьма насущного для боровских купцов вопроса. Купцы жаловались на «великий недостаток» земли под новые дворы, торговлю и выгоны и просили, чтобы им вернули отданную в 1647 г. отслужившим казакам посадскую землю и землю непосадских людей и отдали пустые помещичьи, экономические, соборные и некоторые другие земли. Второй пункт сходен с соответствующим местом в дворянском наказе, но изложен очень конкретно.

Описав «крайнюю и излишнюю тягость» от стоявшего в городе Тенгинского пехотного полка, составители наказа просили или построить для него отдельные дома на средства Боровска,

Вереи, Малоярославца, Борисова и части Звенигородского уезда, обещая собрать в Боровске по 80 копеек с души, или распределить между названными городами. Купцы просили также о том, чтобы офицеры не брали хозяйских дров и свечей, «хозяйского строения не портили», чтобы офицеры и солдаты никакого «хозяину озлобления и утеснения не чинили», занимаясь военными упражнениями во дворах жителей.

Самым пространством был третий пункт, в котором заявлялись притязания купцов на исключительное право на торговлю, промыслы, откупы и подряды, на право городских магистратов и ратуш судить не только купцов с купцами, но и купцов с людьми других сословий. Выражалось пожелание, чтобы «господам дворянам и полковым штаб- и обер-офицерам» было запрещено бранить, грозить побоями и избивать купцов.

Боровские купцы хотели бы, чтобы за увечье, им причинённое, все, включая дворян, наказывались бы по прежним узаконениям, как сказано, «рана за рану», а не только штрафом за бесчестье.

В четвёртом пункте излагалась просьба вернуться к прежнему обычаю, допускавшему уплату денег или покупку рекрутов вместо отдачи в рекруты людей из купеческой среды. Наказ оканчивался просьбой отменить сбор за домашние бани, поскольку купцы платили подушный налог и подати со своих заведений и несли «городовые тягости», упоминая о большом росте банного налога (с 5 алтын до рубля).

На заседаниях Комиссии далеко не все депутаты выступали с «мнениями». Не подавали «мнений» и боровские депутаты. Интересы своих сословий они защищали, высказывая согласие с мнениями других депутатов. По «согласиям» можно судить, какие именно интересы поддерживали депутаты от Боровска.

27 февраля 1768 г. депутат Шукин поддержал депутата от уфимских казаков, предлагавшего штрафовать тех ответчиков в суде, которые отпираются от своих долгов и тем создают волокиту, если их долги будут доказаны. Интереснее же «согласие» Шукина при обсуждении проекта закона о «правах благородных». Шукин согласился с теми, кто считал, что в проекте нужно записать положения о лицах, получивших дворянство за заслуги, и что вместо пункта, разрешавшего дворянам вообще не служить,

должен быть пункт об обязательности для дворян государственной службы.

Боровский купец согласился и с мнением о праве дворян продавать только собственные продукты, иметь только такие заводы, которые используют ресурсы их поместий, но не покупные, иначе, как выразился поддержанный Щукиным яранский депутат И. Антонов, помещики «будут» отнимать пользу у купечества, а своим крестьянам сделают «отягощение и отлучение от хлебопашества». И за право помещиков строить мельницы только в тех местах, где они не нанесут ущерб другим владельцам или судоходству и сплаву, выступил Л.С. Щукин. В интересах непривилегированных сословий он высказался и тогда, когда поддержал предложение гороховецкого депутата – установить подсудность дворян всякому суду независимо от «рода и чинов» судей, и депутата от однодворцев Казанской провинции – принимать «донос и свидетельство» крепостного на своего помещика с обвинением последнего в измене, разбое, убийстве или другом преступлении.

«Согласия» дворянского депутата свидетельствуют о поддержке иных интересов, нежели те, что разделял Щукин. Так, Голохвастов был в группе депутатов, поддержавших высказывание депутата ярославских дворян князя М.М. Щербатова, историка, об исключении из проекта положения о праве помещика переводить крепостные деревни в состояние «свободных деревень», поскольку от такой свободы один только вред.

Депутат от дворян Голохвастов поддерживал предложения, направленные на возвышение роли дворян. Купеческий депутат Щукин участвовал в отстаивании интересов купцов. Правда, в двух случаях позиции боровских представителей совпали. Так было тогда, когда они поддержали похожие предложения дворянского и недворянского депутатов о том, что за преступления имения не описываются и за определённые законом преступления дворянин может быть лишён дворянства.

Документы екатерининской комиссии об Уложении рельефно показывают нам часть интересов двух социальных групп боровчан 1760-х годов и то, как эти интересы защищались их представителями на всероссийском законодательном (по идее) форуме.

МОСТЫ БОРОВСКА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Как сообщает летопись, в ноябре 1480 г. во время «стояния на Угре» великий князь Иван III из Кременца (Кременска) пришел в Боровск, а затем ушёл в Москву. Дорога из Москвы в Кременец и обратно шла через Боровск, мимо нынешнего городища по площади. Следовательно, на месте современного большого моста приходилось преодолевать Протву. Переправлялись, конечно, не в брод. Два документа, 1614 и 1625 гг., упоминают о сдаче на откуп перевоза. О средствах переправы источники, к сожалению, не говорят. Зато хранящийся в Российском государственном архиве древних актов географический «чертеж» 1675 г. точно показывает место перевоза — там, где стоит ныне мост. В XVIII в. на том же месте появился мост. Я не нашёл сведений о годе его возведения. Он обозначен на плане регулярной застройки города, утверждённом 15 февраля 1779 г., и на плане в «Атласе Калужского наместничества», изданном в 1782 г. Если первый план показывает предположения о том, каким должен быть Боровск, то второй обозначает действительное положение дел, то есть и реальное существование моста в 1782 г. На этом же плане виден и мост над Большой Текижей по Калужской дороге на южной окраине города.

27 октября 1812 г. через Боровск проходила французская армия, после Малоярославецкой битвы отступавшая к Смоленской дороге. В опубликованном дневнике одного французского офицера записано, что французы сначала пытались переправить артиллерию и обозы по броду, но когда у них это не получилось, стали переходить по мосту. О судьбе моста в дневнике не сказано. В справочной книге «Города Калужской губернии» (1839) отмечено, что «деревянный мост на сваях» французы сожгли и что его восстановили «от казны» в 1814—1815 гг. В 1825 г., учитывая огромный ущерб, понесённый Боровском от неприятеля, и «недостаточность» городских доходов, правительство «дозволило ежегодный ремонт этого моста оставить до времени на счёт земских повинностей всей губернии, а содержание перевозов осенью и весной поручить городу, установив сбор в его пользу».

Как видим, в Боровске действовали и мост, и перевоз. Из других источников следует, что полотно моста на время от ледостава до прохода весенней воды снималось. Паром служил тогда, когда нельзя было пользоваться мостом.

Водная стихия приносила городу немало хлопот. В «Журнале Министерства внутренних дел» (1857, №2) описана «внезапная оттепель» в ноябре 1856 г. в Калужской губернии. В Боровске вскрывшаяся река «вышла из берегов и быстрым напором воды и льда сорвала мост и унесла его вниз по течению вместе с паромом». Уездное земство не раз занималось вопросом о сообщении между берегами Протвы. В сентябре 1870 г. Боровское земское собрание слушало доклад своей управы «О переправе на р. Протве в г. Боровске». В докладе отмечалось, что из-за роста цен выделявшихся губернским земством 549 руб. в год на содержание парома недостаточно и что у арендатора парома купца Н.Е. Стеснягина средств маловато. Работа парома поддерживалась тогда лишь «усердным участием» купца Молчанова, помогавшего Стеснягину лесоматериалом и деньгами. В докладе упомянуто, что на паром и мост выделялось 800 руб. в год. Вскоре мостовая проблема сильно осложнилась. 7 апреля 1871 г. Боровская земская управа извещала губернаторскую управу, «по случаю сильного напора льда и сверхобыкновенного разлива реки Протвы состоящий на оной для переправы в г. Боровске земский паром унесён водою неизвестно куда, остановить его при всех усилиях перевозчиков и народа не было возможности». Тогда же был «разнесён», по выражению Стеснягина, мост. Вместо парома, осевшего на лугах у д. Овчино в Малоярославецком уезде, построили плот, который не смог ходить по быстрой воде, а затем плот на лодках. В июне происшествие в Боровске обсуждало Калужское губернское земское собрание. 30 сентября Боровское уездное собрание опять обратилось к вопросу о переправе. На этот раз доклад назывался «Об устройстве постоянно-го моста». Учтя опыт прошлых лет, докладчик признал мост на сваях ненадёжным, на срубах — недостаточно надёжным, а арочный мост на каменных быках столь дорогим, что рассчитывать на выделение на него средств было нельзя. Был проект постройки низкого моста, который в половодье затапливался бы и масса воды и льда шла бы выше его, не разрушая. Однако было

признано, что при таком мосте был бы нужен паром, а это удорожало бы переправу. Собрание обратилось с ходатайством в губернскую земскую управу о строительстве моста на сваях или о восстановлении переправы «на прежнем основании с увеличением суммы на её содержание». 10 декабря того же года губернское земское собрание опять занималось боровским мостом. В конце концов проблема была решена. В 1874 г. Боровск уже имел деревянный мост. В 1876 г. его укрепили ледорезами. В дальнейшем вопрос о мосте сводился к средствам на текущее содержание. В декабре 1900 г. была утверждена смета на его капитальный ремонт на 1901 г.

В источниках XIX в. имеются отдельные сведения о других городских мостах. В 1874 г. по предложению К.К. Глухарёва уездное собрание выделило 150 руб. на строительство каменного моста через Текижу. В 1870-е годы стоял вопрос о летних лавах ниже моста для связи с Заречьем и находившейся там земской больницей. В 1874 г. на эти лавы было выделено 25 руб. из средств «на непредвиденные расходы». В Боровске были и другие лавы – на Казаки.

Открытки с видами Боровска, выпущенные в начале XX в. и недавно переизданные, показывают, как выглядел боровский мост с ледорезами и лавы в двух местах города.

БОРОВСК В ДОКУМЕНТАХ НАПОЛЕОНА I

В 24-м томе «Переписки Наполеона, изданном во Франции во второй половине XIX в., напечатано 8 документов, в которых упоминаются Боровск и его округа. Документы представляют собой распоряжения императора начальнику штаба французской армии маршалу Л.А. Бертье и командующему 4-м корпусом вице-королю Италии Евгению Богарне. На основании общих указаний Наполеона должны были отдаваться дальнейшие приказания. Кроме того, в них приводились некоторые сведения часто информационного характера.

В документе от 20 октября (нов. ст.), касающемся организации отступления от Москвы, говорилось в частности, что генерал А. Жюно должен посылать эстафеты к Фоминскому или Боровску, а потом к Можайску. В двух документах от 21 октября Боровск фигурирует по нескольким поводам. Речь шла о том, что вероятно 23-го числа в Боровске или Фоминском будет размещена главная квартира французской армии и кавалерия неаполитанского короля Мюрата должна идти на соединение с частями, направляющимися к Боровску, и что командующий арьергардом маршал М. Ней должен создать патрули для собирания имущества и оставшихся людей, которых следовало отсылать тоже к Боровску. Из документов следует, что Боровску отводилась роль сборного пункта французских сил, отходящих от Москвы.

22 октября упоминалось, что «в данный момент» Е. Богарне должен быть в Боровске и приводилась такая деталь, как утренний дождь, затруднявший движение войск. 23-го числа Наполеон отмечает, что французы действительно вступили в Боровск накануне, и предписывает маршалу Нею «не оставлять ничего позади себя». Там же, ссылаясь на данные разведки, Наполеон выражает мнение, что русские войска стоят «на своих прежних позициях», под которыми подразумевается Тарутинский лагерь. В тот же день, но уже в 7 часов 30 минут вечера, в письме Евгению Богарне, находившемуся в Фоминском, Наполеон повторяет сведения о стоянии русской армии в «укреплённом ла-

гере у впадении Истыи в Нару», сообщает о русской пехотно-кавалерийской «колонне» между Тарутином и Боровском и о намеченном на ночь захвате Малоярославца («маленького городка», без названия) дивизией генерала А.-Ж. Дельзона. Объясняется цель операций: чтобы «противник мог подумать», будто «мы идём прямо на Калугу». Документ был составлен, видимо, в Боровске, где 23 октября находилась главная квартира французов, о чём сообщалось в «Бюллетене Великой армии» от того же числа. «Боровский вечерний» документ интересен как свидетельство о некоторых распоряжениях Наполеона перед сражением за Малоярославец, сделанных в Боровске.

Последний раз Боровск упоминается в письме, направленном в город маршалу Бертье 24 октября, вероятно, из Городни, Наполеон сообщает о намерении идти на Калугу, где французы захватят большие запасы всего нужного для армии. Как известно, это намерение не осуществилось, поскольку 26 октября Наполеон приказал отступать к Можайску и оттуда возвращаться на разорённую Смоленскую дорогу.

Наполеоновские документы не содержат конкретных сведений о Боровске и других пунктах Боровского уезда. Они интересны тем, что показывают какое место занимал Боровск в расчётах французского командования в начальный период отступления французов из России.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗДАНИИ ИСТОЧНИКОВ О БОРОВСКОМ РАЙОНЕ ПЕРИОДА БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Ещё во время Великой Отечественной войны увидели свет некоторые документы о Боровском районе периода Московской битвы. В сборнике «Документы обвиняют» (1943) были напечатаны 2 акта жителей Кривского и нескольких других мест о немецких злодеяниях на их территориях и акт о расстреле пленных красноармейцев в Курьянове. В ноте наркома В.М. Молотова иностранным послам приведена выдержка из письма об учинённом немцами погроме в Иклинской церкви (1). Это была публикация материалов по свежим следам событий. Позднее появились исторические публикации.

В сборниках разной военно-исторической тематики помещён ряд документов, освещающих ход военных действий на боровской земле. Эти документы являются главным образом оперативной информацией. Есть также директивы Ставки Верховного Главнокомандования и исторические формуляры 84, 113 и 60-й стрелковых дивизий, составленные соответственно в 1946, 1943 и 1945 гг.

Целиком событий в Боровском районе касаются лишь донесение начальника Западного боевого участка о бое у д. Ищеино 13 октября 1941 г. (2) и перепечатка статьи из фронтовой газеты «Красноармейская правда» от 5 января 1942 г. об освобождении Боровска (3). Большинство источников содержат сведения о действиях в Боровском районе наряду с данными о других местах. По опубликованным источникам можно составить некоторое представление о дислокации и передвижениях наших войск в сентябре, о рубежах обороны и боевых действиях в октябре и об освобождении Боровского района в декабре 1941—январе 1942 г. (4). По упоминаемым населённым пунктам можно судить о том, как проходили сначала отступление, а затем наступление советских войск. Другую группу составляют источники о создании и действиях партизанских и истребительных отрядов (5).

В общей сложности опубликовано небольшое количество документов, которые к тому же рассредоточены по сборникам. Для изучения событий на территории Боровского района небесполезны источники, сообщающие о действиях в соседних районах. К комплексу охарактеризованных источников следует добавить небольшой материал воспоминаний: записки П.А. Артемьева с упоминаниями о событиях в Боровском районе, не прибавляющие, впрочем, чего-либо к свидетельствам документов, и, видимо, фрагменты записей рассказов разных лиц о Балабанове в период оккупации (6).

Было бы желательно специальное издание источников о Боровском районе в период Великой Отечественной войны, естественно, с разделом, посвящённым месяцам битвы под Москвой. О возможностях использования источников по теме говорят данные о документах Государственного архива Калужской области и Российского государственного военного архива, сообщённые в обзорах, напечатанных в «Боровском краеведе» (7).

Ниже приводятся сведения о материалах, имеющихся в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) (8). Были просмотрены постановления и распоряжения, а также некоторые другие документы фонда исполкома Мособлсовета (9). Большинство этих документов касается всей Московской области. Сведения о районах содержатся главным образом в приложениях и изредка – в постановляющих частях. Сведения о Боровском районе представляют собой конкретные показатели в отведённых району строках. Чаще всего документы определяют задачи, характер и объёмы работ.

Документы первых месяцев войны отражают продолжение той повседневной деятельности, которая началась в мирное время. Например, по просьбе Боровского райисполкома от 31 мая 1941 г. облисполком 18 августа решил выделить средства на ремонт помещения райисполкома (10). На других документах уже лежит отпечаток войны. Например, в постановлениях от 2 сентября об увеличении порайонных норм поставок сена государству колхозами прямо сказано, что названная мера вызвана возросшей потребностью Красной Армии (11). Была определена норма и для Боровского района. 29 августа принято постанов-

ление о мероприятиях по предупреждению сыпного тифа, Боровский район упомянут в числе районов, «наиболее опасных» в отношении заболеваний и «недостаточно укреплённых медицинскими кадрами» (12). Возможно, постановление принималось в рамках обычной повседневной деятельности, но в условиях войны приобретало особый смысл.

10 октября исполком принял несколько постановлений по хозяйственным вопросам, а 14 октября утвердил выплату пособий многодетным матерям, в том числе из Боровского района (13). Следующее упоминание о Боровском районе относится к 29 декабря и содержится в утверждённом плане расхода муки на январь 1942 г. Потребность Боровского района была определена в 200 тонн (14).

Регулярная информация о Боровском районе появляется снова в январских документах. 13 января 1942 г. в областном Совете состоялось совещание председателей советов районов, освобождённых от немецких оккупантов. В повестке дня стоял вопрос об ущербе, нанесённом районам. В стенограмме совещания выступления по Боровскому району нет (15). Говоря о кадрах и поведении руководящих работников оккупированных районов, секретарь МК ВКП(б) Б.Н. Черноусов отметил участие председателя Боровского райисполкома в партизанском движении и то, что в районе «были выделены старосты, которые оказывали большую помощь партизанам» (16). 28 января на 6-й сессии Мособлсовета выступал его председатель П.С. Тарасов, который тоже говорил о Боровском партизанском отряде и привёл ряд сведений о его действиях. Докладчик сообщил также о начале восстановления предприятий промкооперации Боровского района (17). Председатель Боровского райисполкома Н.И. Рачков, от командования партизанским отрядом вернувшийся к гражданской работе, рассказал об ущербе, причинённом району оккупацией, и о первых мерах по восстановлению хозяйства. Урон был определён в 105 млн. рублей (сельским хозяйствам – 27, городу – 18 млн. и т.д.) (18). В том же деле имеются справки о человеческих жертвах, состоянии сельского хозяйства, о необходимых средствах на восстановление местной промышленности и культурно-бытовых предприятий. В справке о распределении по освобождённым районам вещей, собран-

ных населением не оккупированных районов, упоминается и об отправке в Боровск 5 машин груза (19).

Документы Мособлисполкома первых месяцев по освобождении боровской земли содержат сведения о широком круге намеченных восстановительных работ. Так, постановление от 25 января посвящено промышленности, коммунальному хозяйству, культурно-бытовым и медицинским учреждениям и, в частности, предполагало пуск Ермолинской фабрики к 25 февраля (20). В феврале были приняты постановления о выделении освобождённым районам автомашин, организации мыловаренного производства, поставке топлива, распределении сельскохозяйственных машин и по некоторым другим вопросам (21). 2 марта рассматривались вопросы о направлении рабочей силы на аэродром в Инютине и о расходе муки в марте по карточкам и в «прочих целях» (22), 10 марта – об оказании помощи колхозам грубыми кормами (23). Целую серию постановлений приняли 12 марта: о внелимитных затратах на восстановление жилищного фонда, коммунального хозяйства, мостов, электрохозяйства, больниц, школ и киносети (24), о плане капитальных затрат, в частности на пуск фабрики «Красный Октябрь» к началу 2-го квартала (25), о задачах по сбору металлолома (26).

В отличие от военной документации, в которой упоминаются многие населённые пункты, материал областного исполкома содержит сведения преимущественно по району в целом.

В публикации документы ЦГАМО могут быть использованы по-разному. Возможный вариант использования – воспроизведение текста постановления и извлечённой из приложения строки, касающейся Боровского района. Возможен и такой приём, как составление таблиц из извлечённых из документов строк. К каждому извлечению приводятся заглавия постановлений и архивные шифры. Документы ЦГАМО можно использовать в примечаниях. В таком случае облисполкомовские документы дополняют сведения текстов и послужат для сравнения намеченного с осуществлённым. Будут нужны введение и указатели имён, мест и предметов.

В ЦГАМО имеются и другие фонды, требующие изучения. Кроме архивных документов, сборник может включить

материал газет военного времени, воспоминания и ранее опубликованные источники.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Б.м., 1943. Вып.1.

2. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1975. С.201–202. (Далее – Внутренние войска).

3. Ополчение на защите Москвы: Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941–январе 1942 г. / Под ред. А.М. Пегова / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М., 1978. С.328–329. (Далее – Ополчение).

4. Внутренние войска. С. 198–199, 200, 201–202, 209; Ополчение. С.215–217, 328–329, 335–336, 350–353, 357–359; Москва – фронту. 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1966. С.20, 23, 153, 159–161, 168.

5. Чекисты на защите столицы: Документы и материалы об участии сотрудников Московского управления госбезопасности в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1982. С.50, 61, 125, 167, 181, 193–194; Народные мстители. М., 1961. С. 100, 116, 117, 123–126. В книге В.М. Глухова помещена недатированная (послевоенная?) фотография командира Боровского партизанского отряда Н.И. Рачкова и комиссара отряда И.К. Подольского. См.: Глухов В. Народные мстители. Калуга, 1960. С.34.

6. Артемьев П.А. Московская зона обороны // Битва за Москву. М., 1975. С. 116 (с ошибочным «Ищено» вместо «Ищеино»), 126; Битва за Москву: Крах операции «Тайфун». В труде как в бою. М., 1985 (переиздание предыдущего); Узьяков Р.А Свидетельства очевидцев об оккупации п. Балабаново немецкими войсками и его освобождение от оккупантов в декабре 1941 г. (к 50-летию битвы под Москвой) // Боровский краевед. Вып.6. Боровск, 1995. С.36–46.

7. Нагаев И.М. Документы Российского государственного военного архива о боевых действиях на территории Боровского района в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Боровский краевед. Вып.6. Боровск, 1995. С.5–8; Добычина М.А. Фонды Государственного архива Калужской области о г. Боровске и Боровском районе в 1942–1945 гг.: Жизнь тыла // С.9–19; Морева Т.А. Обзор документов о

событиях Великой Отечественной войны на территории Боровского района, хранящихся в отделе архивных фондов общественно-политических движений и организаций (документы бывшего партархива) // С.20–32.

8. Краткую характеристику материала см.: Королёв Г.И. Документы ЦГАМО о Калужской земле в 1941–1944 гг. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции 21–23 марта 2001 г. Калуга, 2001. Ч.1. С.286–289.

9. ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1, 8.

10. Там же. Оп.1. Д.2219. Л.301.

11. Там же. Д.2221. Л.251, 253, 254.

12. Там же. Л. 138.

13. Там же. Д.2224.

14. Там же. Д.2226. Л.423.

15. Там же. Д.2325.

16. Там же. Л.34–35.

17. Там же. Д.2259. Л. 12–14, 16.

18. Там же. Л.48–52.

19. Там же. Л.61, 66, 76, 78.

20. Там же. Д.2265. Л.55–56.

21. Там же. Д.2266. Л. 100, 266; Д.2267. Л.152–154; Д.2268. Л.281–282; Д.2270. Л.18.

22. Там же. Оп.8. Д.12. Л.37; Оп.1. Д.2269. Л.41.

23. Там же. Оп.1. Д.2270. Л.18.

24. Там же. Л.49, 51, 54, 57, 63, 67.

25. Там же. Л.93.

26. Там же. Оп.8. Д.9. Л.37, 38, 40.

СОДЕРЖАНИЕ

В.И. Осипов Памяти историка: Королёв Геннадий Иванович (1936–2009)	3
Боровск на иностранных географических картах XVI–XVII вв.	9
Горы на левой стороне Протвы (из исторической топографии Боровска)	11
К вопросу об изучении географических чертежей XVII в.	17
Затекижье на рубеже XVI–XVII вв.	22
Жители Боровска на рубеже XVI–XVII вв.	24
Боровские пушкари XVII в.	29
Генеалогическая топография Боровского посада XVII–первой четверти XVIII вв.	31
Занятия жителей подборовских слобод Пафнутьева монастыря в XVII в.	48
Боровские Полежаевы в XVII–первой половине XVIII в.	58
Посадская верхушка г. Боровска XVII–первой половины XVIII века: К вопросу о критериях определения социального слоя	69
Генеалогия и демография: демографические характе- ристики боровских посадских родов XVII– первой четверти XVIII вв.	80

Образование фамилий у боровских посадских людей в XVII в.	84
Боровичи в Москве в первой половине XVIII в.	88
Из истории местных архивов: Боровский архив в конце XVII в.	97
Социальное призрение в Боровске в XVII–первой трети XVIII вв.	101
Боровские представители при Екатерине II	103
Мосты Боровска в прошлом и настоящем	107
Боровск в документах Наполеона I	110
К вопросу об издании источников о Боровском районе периода битвы под Москвой	112